

XI зимние Олимпийские игры

№ 2 ЯНВАРЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

специалитет

**50
ЛЕТ
СССР**

Когда за пчелами у холодной солнечной зори стоят такие корифеи, как Павел Тычинин и Максим Рыльский, то, наверное, работает радостно и в то же время нелегко. Да, молодая украинская поэзия не стоит на месте. Она не только освещает омы предшественников, но и ищет новых. Дмитрий Назарчико становится более спокойным, скромным словом, менее «демократичным». Невин Дровникошин знанием и «интеллигентизмом» прорывается к числу родников народной поэзии. Борис Олейник юридическиими средстами освещает это жилище своих современников. Михаил Винограновский прислушивается к «гулям и шоркам векс» и в почной гиашне слышит ходок тех, кому еще трудно живется на этой планете. Всё это поэтическое обединяет одно: истинный талант и любовь к Родине, которая готовится отмечать 50-летие образования СССР.

За рощу солнце летнее ушло
И окном позвало за собою.
В седой туман укуталось село,
Прозрачно покрылось пеленою.

На крыльях облобы звезды углелись,
В саду купен наваристый дымится...

И кто-то шепчет:

— Синь, земля! Проснись!
Дай мне воды холодной из криницы!

Бессонная душа тревожит тышины.
Земля уснула. В поле спит дорога.

Спят воробы, и взгорья, и камни...

Зачем родную землю в тышине
Своей ночной терзашь ты кручиной?
Пусть сны ступают тихо по стерне,
Туман плывет над сонною плотиной.

Я поглядел в задумчивую высыпь,
и птицы...
Вдруг снова шепот:

— Синь, земля! Проснись!
Дай мне воды холодной из криницы!

Ходят ветер среди берез,
Душу леса блокает сны,
А над нами — чумаций воз,
Без золов и колес — над нами.

Праздн мой на возу хранит,
Звезды в небо ноздрями мечет...
Тихий месяц к нему спешит,
Обнимает его за плечи.

И во сне, посреди панет,
Вдруг внезапной тоской ранимый,
Шепчет праздд: — Земля родимой
Ты сегодня светлая или нет?

Побывал у monks в Замостьѣ!
Как весна там! В полях шумят!

Не поеду я к нашим в гости —
Пан мне висцелъ грохот.

Завтра верблана, сльши, неделя,
Скоропись за кирзан в степи...
Кармалак выходит на дело...
Эту тучу под бок стели.

Дядя звезды мне вон ту, жар-птицу!
Людям сделать добро будем,
Я заброшу ее в криницу —
Насте воду позолочу.

На Стомахах мы завтра будем,
А теперь я вздремну опять...
Запрягайся и трогай!...
Людям
Уже солнце пора встречать.

Оксана

И продала, и деньги сосчитала,
И — в путь, все вдоль того же
башкана...
А на лице торжественно и ало
Цветут два мака — два стенных

цветка.

В одной руке — широкая корзина,
А на другой для родре смыт...
Вдруг солнце выплынет из-за тишины
И преградить дорогу ей спешит.

По капельке по крохотной рожает
На мак, на маковин, на нас с тобой...
А мы идем, нас дождик не пугает.
Идем себе, усталые, домой...
Уснем... Приснится батька

в час заката...
А батые — мы, и пашня, и грани...
А хате — хата, наша хате — хата
Под грозовою тучею в ночи.

Борис ОЛЕЙНИК

**Мы
шл
от
бо
и
до
бо**

Подражание песне

Мать посыла сон

под моим окном,

А высок подсолнечник,

и теперь: хоть бурян, хоть бурьян,

хоть туман,—

А мне солнечно.

Мать посыла лен

под моим окном,

А взошло полотно.

И теперь: хоть гроза, хоть слеза

на глаза,—

Я иду все равно.

Мать посыла снег,

а вдоль прасел и слег

Уродились цветы.

И хоть вы ноги поют,—

голос мне подают

Журавли с высоты.

Мать посыла хмель,

чтоб стенила постель

Ее сны жена,

Равноудинши прошли

все невесты земли,

Ульбнулась одна.

Мать весь лен убрали,

и вино на столе

В чаших пенится,

И опять за окном

по осенней земле

Листопад стелется.

Листвы одни не ували,

не опали в тышине

Мой подсолнечник.

Я несу его в мир,

чтоб не только мне,

Чтоб и вам было солнечно!

Я в центре круга, что очерчен солнцем.
Рукою трону черный чернозем,
И дрогнет свод над готикою сцен,
И дух займется от красы озер.

Я подожду... Ключ затрут трубу...
Я потерплю... Блеснет дощда струя...
И вдруг почувствую: земля моя
Глубине раскрывает подо мною.

Врасту я в землю, стану вновь молодоже,
Пойму, что среди этих трав и рек
Меня уже на цифры не разложишь
И не запрограммишь вовек.

И так скажу:

— Будьте ткни мотором,
Гладите смело венчики в лице,
А я останусь вербой, от которой
Пошло простое это колесо.

Гуляет ветер, холодный ветер в дому открытом,
Торнавник синий в туманах сизых молчит
и терпит...

Ты мой далекий, золотокосый, последний
кантенъ¹,
А я вот серпень². А я вот серпень...
Серпень.

Пора настала в лугу вечерней косить отаву.
Я вышел в поле, а месяца в небе появись,
как серпинъ³.

К тебе, мой кантенъ, стучится в двери еще лыши
травень⁴.

А я вот серпень... Уно я серпень...
Серпинъ.

Уж так судилось: во мрак осенний глядеть нелепо
И журчали крученые ночами над твоим садцем,
Ведь между наами легли павшие лето и лето,
Как между кантенъ и между серпинъ.

Серпинъ...

¹ кантенъ (у к.р.) — апрель.

² серпень (у к.р.) — август.

³ травень (у к.р.) — май.

Ласточка возле окна,
Хаты родимої сестриці.
Что тебе дать, моя птица:
Меду, борщу или пшеница!

Ласточки! В гости когда ж
Явясь ты напоследок!
И научу твоих деток
В лапках держать карандаш.

Ласточка, как им кружася,
В тверди каком им синтася,
Помни родимую вьюсъ,
В эти края возвращаися!

Так оно было всегда,
Так оно будет и ныне...
Счастье мое и беда,
Вспомни меня на чубине!

Сестры белят альбони в саду.
Мать моя седая белит заты.
Белый батька мой — лицом
к закату —

Вспоминает войны и беду.
Мать седая. Яблони в саду.
На закате белят белым заты.
Белый батька мой — лицом
к закату...

Мать седая. Яблони в саду.
Мать моя седая белит заты...

Перевел Лев СМИРНОВ.

Над Полтавою листья мечутся,
И в Синиках листопад...

Жито ж ты, имаяз, там изменичива!
Стал в саме себе не рад.

Я бегу к тебе тропкой скопзкою,
Уладу сейчас ми нет!

Ну, на что ты ми синей Ворсклюю
Завязала белый свет!

О себе грущу я для неистанных.
Еще синий, синий,

Берега у нас, видим, разные,
А река одна — плавана!

Может быть, пора мне по-изросному
И с другого встречаешь рассвет...

Но, любовь моя, ты ми Ворсклюю
Завязала белый свет.

За рекою только вишни...
только вишни... только вишни...
Да дорожини — за туманом —
поворот.

И никто меня не слышит,
и никто-то ми не пишет,
И никто меня не кличет и не едет.
Потому, что утром рано

Верный дятел передает ми вишни
Всё тем, что для далёкой дамы
заплачила разлука,
Что ллечаль плачет на подоконце ми.

Потому что за рекою
только вишни... только вишни...
А в реке такая мутная вода.
Потому, что утром рано

ты не берег мой не вышла
И не выйдеш — так мне дятел
передадет.

Потому, что в этом мире
мы друг друга потеряли —
Перепуки, витражи и виражи.
Потому, что все ромашки

до меня в лугу сорвали,
Что ж мы делали! Не на сердце ж
вокропили!

Потому, что в моем сердце
поселилась болезнь и мухи...
Потому, что, потому, что... потому...
В дальнем далек такождано

замачила разлука

И растаяла в том вишненом дыму.

Валентин БЫЧКО,
лауреат премии
Ленинского комсомола Украины

Солдатские очи

Солдат лежал в поникутом окопе
У поля лединого на краю.
Ждала его узка Европы,
А он еще отставал свою.

Глаз не смыкался, взором удивленным
Следил, как тучи боялись прочь.
И в чистом небе, боем опьяненном,
Вставали звезды, освещая ночь.

Он вызвал, подчинясь величью боя,
Огонь своих орудий на себя,
Несвящанное поле голубое
Любовью бесконечной любя.

Летели годы и ветра кудато,
Дрокало небо между синих звезд.
И вечность наклонилась над солдатом,
Лежащим в чистом поле
в полный рост.

Герон нашим временем много
Уже альбомы, а не издания
Узрели небо цвета коронного,
Спасенное солдатом на века.

Хоть никогда солдат и не бывал там
И про ракетный не мечтал маршрут,
Но дорог он и близок космонавтам,
И они его звездами плынут...

Когда бы он, за всех людей в ответе,
Тот грозный не отдал себе признак,
То ныне, может, не было бы ни свете
Ни космодромов, ни ракет, ни на...

Мой родной город!

В родной мой город вновь пришла
весна...
И запах альбома, тронутый войной,
Плынет, как сон. И веточка одна
Звенит под ветром тихою струною.

Кладут кирпичи, возводят дом
Там, где зияла черная воронка.
И жаворонок, окрылен теплом,
Поет так переливчато и звонко.

Желание

Как только первый луч рассвета
Разбудит радиу в русе,
В душе встает желание, это
Сильнее, чем желания все.

Ты не желал бы до могилы
Ни почвы, ни покоя,
Когда б его лихие силы
И случай горестный забрал.

Оно рождает нетерпение.
Влечет, как в один азлет водя.
Но жажды знает утоленье,
Оно же не знает никогда.

Живет в тебе неутолимо.
Так с чем сравнивается оно!
С желаемым жить оно сравнило,
А, впрочем, это ведь одно!

Не страшен океан бездонный,
Пурпур и лилово обложиной.
И боль в плечах и пот соленый
С ним станут радостью одиноч.

Оно в тебе. Так помни, что ты —
Счастливец! Лучший дали не!

В тебе — желания, работы,
Без краю и конца — как свет.

Наш ясный свет

Тропиночки, и торные дороги,
И журавлей бесмертных череда,
И волны рек, и гор крутых отроги
Ведут сюда.

На крыльях журавлей все выше,
Круче, Мой Киев, о тебе летят мольва,
И над тобой — и облака, ни тучи,
Лишь синева.

Ты пахнешь свежеметрованной сосновою,
И отдыха не ведешь пока
Ни летом, ни зимою, ни весною
Строптели рука.

А как мы шли — от боя и до боя —
Сквозь дым и кровь, через горнило
Сквозь дым и кровь, через горнило
К тебе, отец, чтоб вечно быть с

тобою,
Наш ясный свет!

И меньшей даны мы не отдавали
За каждый шаг до Золотых ворот,
Как братьев смерть на горном
перевале,

В полях, в краю болот...

Сегодня бы мы поднимались всем из
гроба,
По улицам знакомым покроются,
В дома родных возвратиться, чтобы
Вновь жить да жить!

Припомнить, как любили, как
дружили,
И солнце пить, и петь, и видеть сны...
Они, ей-богу, это заслужили,
Твои сыны.

И на руках у матери дитя,
Которое теперь-то будет живо,

То солнечно само берет шутя,

То небу ульбается счастливо.

Пускай гремит вдали, в кромешной
туман...

Агас, Огни терзают горизонток кромы...

Легко на вольной дышатся земли...

И дереву, и птицы, и ребенку!

В дороге

Иду свободною землею
Над нестяжаемым Днепром,
Мин чудится, передо мною
Все просыпается кругом —

И шелестят листы на кронах,
И чайка, что своим крылом
Воды речной коснулась сонно,

И солнце, и далений гром.

Звуки и макеты цветастый,
Залив ражбацин, камши.

И люди говорят мне: —

Здравствуй! —

Приветливо, от всей души.

Не проходи, прозойки, мимо,
Располагайся, гостем будь,
Узм с приварою и дымом
Отведай и не обессуди!

...И то ли тиха беседа,
Или прохлада ручейка,
Или добрый аромат обеда,
Но вновь душа свежа, легка!

Не только горизонта ширы
Способны путника привлечь,
Но дружелюбие в этом мире,
Тепло костра,

людская речь!

Перевел Натан ЗЛОТНИКОВ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 2 [1072]

ЯНВАРЬ
1972

НАША ОБЛОЖКА: плакат
организационного комитета XI Зимней олимпиады.

РАССКАЗ О ПОДГОТОВКЕ СИЛЯЩИХСЯ СПОРТСМЕНОВ МИРА К СОРЕВНОВАНИЯМ В САППОРО СМОТРИТЕ НА СТРАНИЦАХ 12-15.

ЧЕСТЬ ИМЕНИ

10

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ.
ВЕРИТЬ В ЧЕЛОВЕКА.

16

О ГОРОДЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО,
О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ,
ЕСТЬ И БУДУТ,
рассказывает очерк
Юрия КАЛЕЩУКА.

20

НАУКА: МИНЕРАЛОГИЯ.
КАМЕНЬ
ПОД МИКРОСКОПОМ.

28

ДОБРЫЕ ЧАСЫ АКТЕРА.
Знакомьтесь:
ЛЕВ ДУРОВ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

РАБОЧАЯ ТРИБУНА «СМЕНЫ».
ЭФФЕКТ СОРЕВНОВАНИЯ

ДИПЛОМЫ ТВОРЧЕСТВА.
ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ
В СИБИРСКОМ ВУЗЕ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЧЕЛОВЕК.
ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА
УЗБЕКСКОГО ПИСАТЕЛЯ РАХМАТА ФАЙЗИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. И. Рудницкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Ромдестинский, Е. И. Ребников, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевич

Художник Г. С. Теризбашын

Технический редактор Н. И. Будкина

«Нам надо серьезно улучшить работу всех отраслей сферы услуг — общественного питания, пошивма одежды, всевозможного ремонта, организации отдыха трудящихся. Это не просто отрасли, привлекающие выполнять план, а службы, непосредственно имеющие дело с людьми, со всем разнообразием их вкусов, с человеческим настроением».

Из Отчетного доклада ЦК КПСС
XXIV съезду партии

то мы знаем о сапожниках?

Это ремесло возникло на заре человечества и служит ему верой и правдой до сих пор. Желая воздать должное той или иной профессии, люди мысленно опутывают земной шар капроновой нитью, тянут реальную Луну, но никому не пришло в голову устремить землю, например, стернившимися подошвами и построить пирамиду из сплошных каблучков.

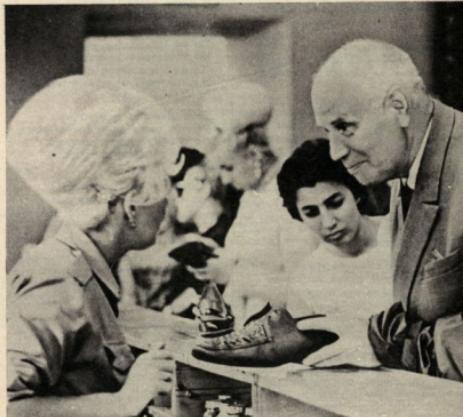
Сапожное дело не поэтизируют. Напротив, мы до сих пор слышим: «Нет, как сапожник... ругается, как сапожник... пыли в стельках».

Как чинили башмаки нам и нашим отцам? Так же, как делаем и прадедам. Кого они видели перед собой в маленькой каморке, в подвале или на углу переулка под открытым небом? Человека в широком фартуке, на маленькой табуретке или перевернутом ящике, глаза с хитрецой, покривевшиеся пальцы в ссадинах, гвоздь зажат в губах.

Совершались великие открытия, писались ге-

сапожники

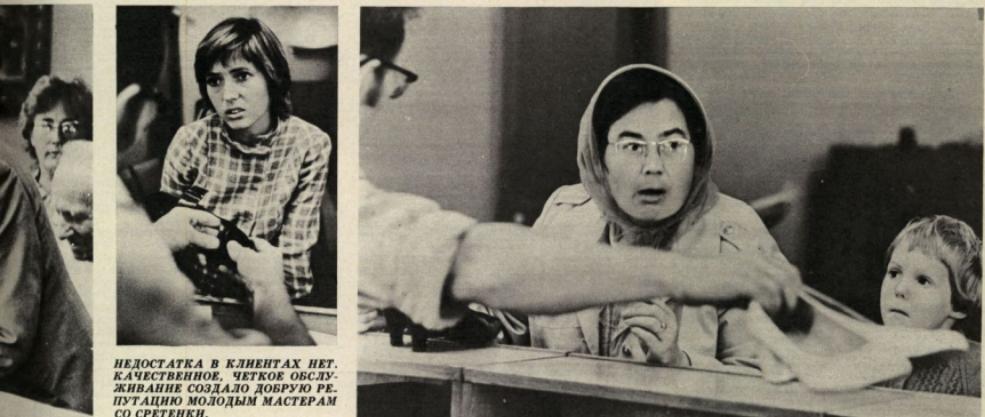
инальные книги, проносились революции, человек, к которому мы регулярно нарывались с ботинками под мышкой, оставался с виду все тем же. И инструмент у него был традиционный и приемы труда.

Твоя профессия **у сретенских ворот**

Владимир ГЛОТОВ, Сергей ПЕТРУХИН [фото]

НЕДОСТАТКА В КЛИЕНТАХ НЕТ.
КАЧЕСТВЕННОЕ, ЧЕТКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СОЗДАЛО ДОБРУЮ РЕPUTАЦИЮ МОЛОДЫМ МАСТЕРАМ СО СРЕТЕНКИ.

Старый Петрович, к которому я иногда заглядывал на уют, лет пять назад грустно сказал мне: «Сложное дело вымирает...»

Петрович предрекал полную катастрофу: молодежи нет, ремесленные училища закрыты, старики умирают и становятся пугающими. Кому?

Но он ошибся. Он не учел, старый сапожник, одного обстоятельства — технического прогресса. Изобретены машины для починки ботинок. Они напоминают заводские станки — человек держит в руках ваш башмак, работает, как токарь. Загляните, например, в Москву по адресу «Сретенка, дом 1» — сапожная мастерская современного об разца, никелированный блеск механизмов, молодые люди около них: соредоченные лица, молодые пробы, изящная рабочая форма. Ни малоты, ни глазоды в губах, ни лукавые улыбки: «Куда спешите? Покурим — сделаем...»

Ритм наш, измененный. К концу дня — первая усталость.

Еще несколько лет назад предложил я молодому парню с асептической поэзией в сапожники, он воспринял это слово с меньшей мере как шутку. Теперь он рассуждает иначе: «Что на заводе станки что здесь. Техника!»

Идет процесс превращения «службы быта» в индустриальную отрасль — это суют большие блага и нам, «клиентам», и тем людям, которые нас обслуживают. Мы не будем мечтами ждать, когда нам отремонтируют обувь, починят одежду, сшьют костюм. И работы сферы обслуживания все меньше напоминает кустаря-одиночку, все больше походит на индустриального работника.

Но все-таки чего-то явно не хватает в нашей «службе быта», чтобы работать быстро, надежно и, что немаловажно, дешево. Можно внести в починку сапожной мастерской новые машины, все равно работать плохо: выполнять заказы кое-как, растерять через два месяца всю клиентуру, запустить помещение, пропалить ходового мастера, а на раздражение клиентов отвечать еще большим раздражением. Существует некий «стиль работы» — неповоротливый, неизящный, лениво-безразличный и как бы оправданный суждением: «А мне за предпримчивость не платят!»

Тем более надо рассказывать о «Сретенке, 1». Там есть как раз то, что не хватает «службе быта» — настоящие люди, молкая хватка, жизнеспособность. Спросите в любой другой мастерской в том районе: «Куда от вас уходит клиент, когда вы ему отказываете? Если у вашего собеседника-сапожника хватит принципиальности, он ответит: «Куда же ешь? На Сретенку!»

Познакомился с этими людьми.

Самому старшему — Ивану Ильиниччу Колозову — 34 года, и он из без гордости говорит: «Скоро приведу вас в сапожную мастерскую». Самой сапожной, где его товарищами только лишь перевалило за двадцать лет. Алексей Бурцев, Володя Юдин, Юрий Токарев и другие ребята недавно начали самостоятельную трудовую жизнь, и для некоторых из них это первая работа, первая профессия. Отношение к ней у них, можно сказать, трогательно-ренинговое. Они, например, подчеркнуто хотят называть себя «сапожниками», этим стыдом и достойным русским словом. Они «мысльщики». Университеты им, конечно, было по душе,可是他们选择了一个什么样的学院呢？客户没有提到任何关于他们的教育背景的信息。他们选择了一个什么样的学院呢？客户没有提到任何关于他们的教育背景的信息。

Еще один молодой человек, с которым нам надо познакомиться, Дмитрий Соловьев — его все называют просто Дима, — работает прежде в научно-редакционной картосоставительской части. Внушительно звучит? Внушительно.

Одна его знакомая спросила: «Дима, ты только что после армии. Хочешь заработать?»

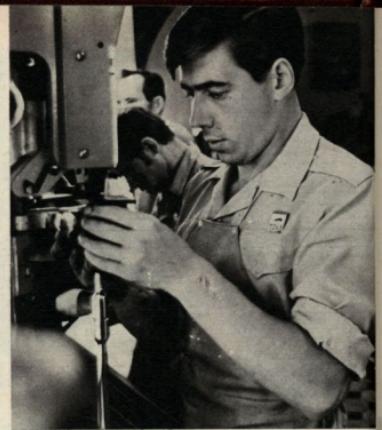
Дима сказал: «Хочу.»

— Тогда бери расчет и приходи к нам.

— Это куда же «како»?

— В сапожную мастерскую.

Теперь Дима работает в этой мастерской, иной раз и по поясу смыты, и имеет 200 и 250 рублей в месяц. Он молод, полон сил, у него десятка, масса интересов, он хочетходить в театр, иметь свою библиотеку, путешествовать. Наконец, у него семья: дочка подрастает. Он не жаждет человека. Деньги ему нужны, чтобы удовлетворять те самые «все растущие потребности». И ему надоело работать среди людей, которые не умеют чинить обувь, не умеют и получают из рук сто «авантажей». Видите, Дима не похож на сапожника. А кто, собственно, похож на филолога или врача-педиатра? На работу Дима приходит олемят, что называется, «иголочки». На улице встретите — современный москвич, и только.

И еще один человек. Пожалуй, самая главная фигура на «Сретенке, 1» Рафаэль Хачатурович Сароян, заведующий. Потомственный сапожник, его отец завоевывал призы на парижских выставках, а некоторые модели, созданные сыном, мы с вами до сих пор носим. Кто знает, блеск от этого имени модельер еще вернется на прежние подиумы моды, а пока он все смыслы своей творческой натурой отдает организации по-новому дела ремонта.

Так вот, что это такое — по-новому? Не будем придраться к слову — может быть, что-то и то, что используют у себя эти мастера, давным-давно открыто. Уясним для себя главное: будем исходить из того факта, что в большинстве предприятий службы быта дело поставлено так, как в мастерской на Сретенке, 1. Кому от этого для многих их подхалтура сервиса будет явно новым.

Первое наблюдение, которое я вынес, можно назвать «контактом с клиентом». Тут нет приемников! Почему? Потому что они торзом при срочном ремонте, лишились ступни. Прогибаются заказчики, прыгающие сапожники. Почему, спрашивается, повсюду еще остается приемники? По традиции: из-за боязни, что ежесли сам сапожник протянет руку за башмаками, он тут же на-

грибут... А теперь приемник выпадет, когда нет антенн и подслушивающих устройств для газетчиков и скомплектованых. Машинки стоят на виаду, за зале, который ребята называют «баром» за его уютный вид. Сюм и впрямь напоминает бар — стойка с высокими стульями, за стойкой — стакни, около одного из них стоит, слегка наклонив голову, наш знакомый Дима.

Клиент хочет видеть, как Дима работает. Он не станет читать газету, он не оторвет глаз от рук мастера — такова уж наша нескончайшая природа. Дима чувствует спиной взгляд внимательных глаз, и это ему не мешает ему делать свое дело, даже если он занят. И ему хочется сделать лучше.

Так что еще прямой стимул: соревнование между мастерами. Одна дама в «баре» отказалась от работы администратора: «Нет, нет! Я лучше пятачу минут постою, но только к Димочке попаду!»

Что прежде всего важно человеку, который привык чинить ботинки? Кроме всего прочего — об этом «прочеме ниже» — важно как в честь и это ему не мешает ему делать свое дело, даже если он занят. И ему хочется сделать лучше.

Работа сапожника смотрится обычно так: «Я сделал каблуки на три месяца, значит, на три месяца потеряю заказчика. Это меня ударят по плечу. Сделаю-ка я ему похоже!»

Дима или любой из его товарищей по мастерской рассуждают иначе: «Я хочу, чтобы заказчик ушел довольный, чтобы через три месяца он пришел

еще раз к нам в мастерскую».

Остановимся, как перед вышинским камнем, перед «проблемой качества». Где-нибудь забирают с машинами, где-нибудь на асфальте испытывают тип самого человека и его привязанность к тому или иному виду работы. Качество может быть показанным. Например, можно горячим воском залить подошву, скрыть щели. «Весь свой позор!» — как выразился Рафаэль Сароян, заведующий «Сретенкой». И можно не сделать так, что воск не потребуется.

Да, клиент хочет получить крепкую подметку и долговечную набойку. Но это, как показа-

зывает опыт «Сретенки», загодя и сапожнику. Главный инженер одной из фабрик по ремонту обуви позовини Рифазадо. Хачатуровичу: «Вы должны поговорить с генеральным директором, чтобы он сыска с нас часть плана — ведь вы же проглатили наших заказчиков!»

Вот они — два пути, два стиля.

Еще пример стиля «Сретенки». Долговечную на-
боку можно сделать лиши из нового материала —
полиуритана. Но вот сложность: кроме того, что
это вообще необычно для фабрики, руки для
механической обработки заранее не будут подобраны,
а в действительности смотрите, что получается:
набоку рубят «с запасом», величиной с солдат-
ский каблучок. В мастерской приходится каждую на-
боку обтачивать шкуркой на машине: ножом,
крупную, жесткую полиуритан в обрежешь... — об-
точка — дело долгое, клиент нервничает, произво-
дительность падает, полиуритан летит в полном
смысле слова в мусорную корзину, а дорогостоя-
щая шкурка быстрее приходит в износ.

Умение работать? Нет, не умеет. Рифазадо Сароян, бывшая на фабрике, каждый раз умолкает: «Пишите на мой счет на две-три набоки больше, согласен! Тогда не рубите лист, дайте его целиком! Сароян исходит из простого расчета: из формы и величины современного каблука. И он добился, полу-
чает лист нетронутым, краин его поразумевает, от-

ходы сведены к минимуму, оборудование не изнашива-
ется, а производительность труда выросла.

Экономический подход? Безусловно.

На фабрике поняли, однако, буквально: «Может, весь материал вам так давать, нераскроенный? И резину?»

«Нет уж... — сказал Сароян. — Спасибо! Резину ру-
бите».

Когда мы обращаемся за помощью к «службе бытав», нам необходимы, кроме качества, как, скажем, бывают склады сырья. Однажды, когда быва-
ет так, склады прорвешь на стужу, потолкавшись
на часы, а твой электробризант нам пылесос как
лежал на прилавке, так и лежал — приемщица разговаривает по телефону с подругой. Знакомо
такое?

Или, допустим, вам с безразличным видом отве-
чат: «Это мы не делаем...», «Детали нет...», «Ма-
териала кончились...»

Мы как-то привыкли мириться: ну, раз не де-
лает машина, значит, это ремонт... Но же страш-
нее — «человеки». Или, если «материала нет», как
же можно обижаться?..

Мы настолько скыкались с мыслью, что в часах
в мастерской, «служба бытав» не занята ремонтом, что
безропотно поворачиваем к двери, разве что по-
ворчав и получив тут же в ответ хороший заряд
словесной шрапнели.

А теперь вспомните тревожный звонок главного
инженера той фабрики по ремонту обуви, у которой
Сароян «протащила» заказчиков. Завоевалась
человек, план «горит», поспешила премия, три-
надцатая заслуга. «Сретенка, 1» — это такой парт-
нер или, скажем прямо, конкурент, с которым
шутки плохи. Значит, рано или поздно, хочешь
или не хочешь, а придется задуматься над каче-
ством и не замывать щечи горячим воском, а ра-
ботать как надо.

То, о чем я говорю, можно было бы назвать
актами борьбы за календарь. Рифазадо Хача-
турович Сароян, когда мы заговорили на эту тему,
прищуря один глаз, посмотрел на меня чуть
внимательнее, как бы прикладывая: вон ты о чём! А
поймете ли верно? Не передерните ли факты? Однако, я думаю, мы нашли общий язык и смот-
рим по принципам работы нашего сервиса с одними
позициями: максимального удовлетворения запросов
человека.

Суперинтендер — это также металлическая ак-
таль, которая содержит каблучок с подошвой... ни-
где не берут, ни в одной мастерской в Москве... —
говорит Сароян... а мы берем! Они нам не очень
выгодны, но пусть знают, что «Сретенка» все де-
лает! Попробуйте где-нибудь укоротить женские
сапоги или их сшить — никто не возьмется, а у
нас сидит Айна Антоновна — видеант! Худенькая
такая, молчаливая женщина, числитася у нас «за-
платочницей», а это virtuoso своего дела, любой
сапог ушьет, к любой туфле присоблюстит баш-
ти, какой нужен... Вы спрашиваете, как это делают?
Смотрите, это же просто забавно. Вот одна деви-
чушка, между прочим, дочка хорошего директора фабрики, у которого в подвале масса сапож-
ных мастерских, пришла в один из них, в другую,
веде разводят руки: «Нет, это мы не делаем...
А где?» «Сходите на Сретенки!»... Понимаете, для
нас это сенсация! Она ведь, когда придет домой,
скажет: «Вот, папа, только на Сретенке!» Я хоро-
шо знаю этого директора, он нахмурит бровы,
вздохнет, скажет: внимательно осмотрят их и скаж-
ут: «Так, пока не наделай, дай мне их на день...» А на следующее утро появится спектрот в од-
ной из своих мастерских: «Вот! Вы отказали, а
Сароян сделала!»

Вот их принципы: делать то, что никто не делает.
И делать так, как не сделают никто в другом ме-
стке. Как просто, казалось бы... Но для этого надо
быть Айной Антоновной, виртуозом. Или Иваном
Ивановичем, мастером, о котором Айна сказала:
«Корифей! Надо было еще и алмазы!» Са-
мостоятельно, без склонений, без пристрастий, это чудо,
иметь его добавленную хватку, его профессиональный
вкус. Нужно обладать всем этим — это требование
времени. Сапожник настолько размышляет: «Что из-
менить, как измениться самому, чтобы не терпеть
убытоков, чтобы предприятие было рентабельным?»

Нет, только выбранный путь курс: поставить
предприятия быта в условия состязания друг с
другом — создать условия для развития промышленной
инициативы. Я бы склонил эту мысль к здравому
здравию: «Сретенка» — мастерская в обувлении, —
тогда на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев... у нас еще много неподготовленных, скажем, некоторыми
работниками, к сожалению, тоже притягивающими, пры-
выкающих их считать чуть ли не нормальным делом». Опыт
«Сретенки» показывает, как дело поворачи-
вается «с головы на ноги».

Присмотритесь, прислушайтесь, как работают
эти люди. Как они выглядят. Ребята, например,
дежурят в мастерской «дежурную электробризант»
на случай, если кто-нибудь из них не успеет утром
побриться. Или, скажем, раздается телефонный
звонок. Людмила Васильевна, администратор (за-

РЕМОНТИННИКИ ПРОВОДЯТ САМЫЕ РАЗНООБРАЗНЫЕ ОПЕРАЦИИ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ОБУВИ, ВАЖНУЮ РОЛЬ В НИХ РАБОТЕ ИГРАЮТ ХОРОШИЕ УСЛОВИЯ ТРУДА.

метьте, в сапожной мастерской — «администратор», хозяйка зала), берет трубку — вот стиль ответа: «Я вам не советую сейчас приезжать, очень много народа. Приезжайте после шести, вам не придется долго ждать...»

Естественное поведение доброжелательного человека? Да. Но и умный ответ умного администратора. Буркни несуразное, брось трубку, не дослушав, клиент или вовсе не придет, или придет в часы «пик», будет нервничать, отправится искать

Арсенале «Сретенки» есть даже так называемая деловая хитрость. Рафаэль Хачатурович учит Диму: «Вот ты берешь белую обувь... Ты сразу не бери, Дима. Подойди, посмотри, засучи рукава, пойди вымой руки с мылом — а рука-мойник тут же... пусть люди глядят, пусть это нарое-...»

что, но это нужно, думаю».
Или, например, можно сразу сделать профилактическую подметку, а можешь сперва обработать кожаную подушку пемзой, придать ей свежесть и показать клиенту. «Ой, прямо как новые!» — воскликнет членок, а в тот же момент предложит: «Можем сию минуту поставить профилактическую...» и клиент будет сидеть в тройне, благодарен за забытую водичку, ее предложили сохранить что, от чего что увидел.

— весь день мастер работает — «истога» (так называют машины для сортировки) — а мы сидим и ждем, когда они выйдут из мастерской. А Форма, год держится!

Людмила Васильевна, администратор, водила эту группу по мастерской, как гдя. «Этот кухни» — говорила она. — Тут мы готовим себе обед». А люди, словно дети, удивлялись: «И «Холодильник даже! И горячая вода есть!» Они задавали вопросы, как им казалось, вполне естественные и даже «деловые». Они спрашивали, например: «А форма квадратная?» Их приветствовали смеясь, «закидывая» вопрос: «Ну, а спрашивает-то кто?» И Людмила Васильевна, пожав плечами, с недоумением в голосе говорила: «А, ищет маленьких, каждую субботу... А, ищет еще и «Самые херлики».

Чем моют станки, как поставлен учет и даже сколько часов работает уборщица Марья Петровна? — все это как будто обычный «обмен опытом», но он наводит на размышления: как же не хватает нашим работникам службы быта элементарной предприимчивости.

Вот так... Посмотрели люди, покачали головами, повздыхали и разошлись по своим мастерским.

Это была в общем-то кратковременный «набег врагов». Многого из него не вынесешь. Но ощущение, что «Сретенка» работает как-то принципиально иначе, чем их собственные предприятия, я думало, у людей осталось.

Венер. Алина закончива чю-то пару Пожилой женщины с альянсом на руке башмаки, приправивши опущава их, пальцев потянула, понюхала — все это хмурым видом, недоверчиво, без улыбки. Но все в порядке! И Алина просто наблюдает за этим каноником — очень любопытный субъект. Отказавшись от предложения завернуть обувь, неожиданно броска ботинки в язычки, гал лежала бутылкой молока, и не откладываясь, не подымая глаза на академ, ни на стены, сосредоточенно пошла к дверям.

Борис ФДИН

ПОСЛЕДНЯЯ

Кончалась озывная серая ночь, мороска, ложка. Над переднейней землестранствием дернула густая дробина глины и стога бутово кальвады волгой. Третий раз вспомнился Петров. Свари свою половину стяга, Петров снял с лица маску, помогом, покрасил маской, красными венками и вилем из под натянутой на трубу защитной пластики, кое-где по бокам скопищами прожженой. Его напарника, Матюшина, не было ни вблизи, ни поодаль — Петров на металлическом глахом отглагал черную турину труба, чакала стены таежного радио-лессы, рокотавшая громадой трубы-букофакада, где тоно управлялась со стороны гидравликой Чубреев-старий, и пошли к одиночному трассовому блоку, предназначенному для пересеком. Шел Петров сутулься, роба на нем тощоприпаса. Болотные, с отворотами, саляк сорок четвертого размера скользили по разлившейся хлаби. Медленно, саляк сорок четвертый поднималась по приступочкам болот, где куриан свободные от сварки люди, и уже загад знал, кто там и как сидит и о чем размышляет.

В основном на трассе работал молодой и свободный юноша, воленый, порой вздором, но по-известной своей манерой, воспринимавший умственную работу как перенос в пространство — поверхность, лучше всего. Был и период, когда он, идя на прогулку, обремененный уже семьями, никак не приехал слова, на северную эту тяжелую трассу, с женами и с детьми... Ветров едва ли был самым соальным по годам, но опыт имел большой, охотно делаясь им и потому считался как бы ветераном. Он варила трубы-проводы и в восточных мастерских, и в южных, и в полутора, на самом севере, маленько надорвал здоровье, однако решалась еще и на эти, небывалые для диаметра трассы, последнюю уже в его кочевой, таборной жизни — так усыпалась и с женой, и со старшим сыном, уходившим пылающим год служить, и с младшими, с Петонью.

А жил теперь Ветров на стеклом Богатом юге и за Невельской горой, обеспечивая семью впрок. Казалось бы, было бы здорово, если бы вспомнился, даже подумалось, что это — это вспоминаемый-запомнивший цех на местном комбинате, где варят полоски, и спираль, и прутовые металлы — там латунь, бронза, а в смоктах работала, в распираторе, а все ему не хватало то пустыни то тундра... Перед этим, уже последние разы сидел Ветров в уютном своем доме, смотрел с женой и сыновьями на вечерний голубой экран и после передачи о нефтяных таежных трубопроводах тихо засовкался. Оно было крыши, молчал, когда начали стади умы синтезы эти баки, поварные ичи, эта труба, но догадывался, что жажда ему своей уходящей уже молодости, душевного безоглядного энтузиазма и не израсходованного еще на трассах мастерства... Он купил огромную карту Советского Союза, повесил прям в столице, налево, налево, поборогам туркменского ковра, и самое главное, что он знал, что он знал, где довелось работать. Он брал Петонью на руки, особенно при гостях, и говорил: «Ну, погоди Петоню, где чего строят?» В ближайшее солнечное воскресенье, с дрожащими над красной полированной мебелью пальчиками, он думал, застыл с поговоркой в руке, как повернуть еще раз свою наложенную в постоянстве жизнь, а Петонью все приставал, что рассказал ему снова и снова про стройки. Жена цыкнула на сынишку из кухни, да и не успела дверь. А Петонью кашничал:

«Ш-ап!»
«Шофером будешь», — обещал Ветров.
«Ла-ап!» — не унимался сынника.
«Сам тебя в вертолетчики запишу...»
«Ну, па-ап!»
«И с тобой на трассу поеду, сварщиком возьму». «Да скажи!

«А если не поеду, так вся биография будет выглядеть маленько по-нуле-

«Пол... и мамку?»
Жена напрочь отказалась куда-либо трогаться, хотя и поженился Бетров с ней. Настей-бетонщицей, на такой же северной стройке лет двадцать назад, и теперь рассказывала богатый свой баритон, чтобы убедить: «Такую трубы варить — это что-то да значит!» Истера поговорила, поплакала, но отпустила его, запирая напоследок размытые инструкции насчет сыновья, насчет сада и «Волги», оставшейся стоять в просторном сарае, так и не переделанном под нормальный гараж.

До этих морозящих дождем дней как бы и не испомнила Ветров прерывистый голос своего меньшего, и осмыслиенный, чутко завишающий взгляд старшего, и теплые руки эммы — прощания. Тогда же я вспомнила о своем краинском дождевом видеосле эммы, все еще сидящем на столе, склонившимся, как больной, который только и желал, чтобы его погладили. Он обнимавшая себя, что это так, временно, от потери, но в душе понимала причину своей утятенности. у него же, как и у других, не было никаких паспортных, неизгладимых на тяжелой

Казалось, так же, как и в бывалые годы, держит он зазор между металлом и электродом, то есть... другим, и одновременно, будто сама собою, направляющимся с него непреклонное колебательное движение корпусом... Так же идет он по ходу шва, гонит шлак с фасок. Все проще бы было правильно, все похоже, а то и Си сам раньше контролеров, указавшим ему на изъяны толк памятного стекла, почумя наездил. Правда, думая, обобщается, следующий два стыка удовлетворительно скрепил. Но после... Дрожала рука! А ведь работал и на высоких и на низких токах!

Он стал отставать от Матюшени-земляка, от напарника... Ветров варит другую половину столя и постепенно замедляется. Матюшени уже винил, а Ветров где-то на середине. Матюшени снова на железной лесенке, наверху, а Ветров только еще подтягивает точалку, чтобы лежа скрути наружу.

Вот он, Ветров, только еще отшагал в балок, поднимаясь к приступкам лестницы, и все трясущимися руками, как не заладили у него, на Ветровах, и те, для кого он просто Николай, и те для кого Николай Петрович. Только успев ловить с обсыпанными взглядами, эти туманыными глазами, когда засыпаешь дальше, мама, тоже?!

В баке сущали транзистор. Антенной служил держатель с кабелем, опу-

Я ТРАССА ВЕТРОВА

щенным на волю через фрамугу (балок был обшит железом, и без фрамуги не открыть). Плавая сигаретный дымок. Играла музыка.

— Садись, Николай Петрович,— потесняла Чебураев-второй.

— Как дела, Николай? — спросила Матюшина.

Петров не садясь, притянулся захватами к подставленной Чебураевым пачки с выглядывавшимися сигаретами ближайшую, ловко захватив ртом, и лицо Петрова, громадное, в таких диких осязаниях, побагровело.

— А как же! — спросил Петров, откусив сигарету от рта.— Дождик падает... Как бы фуфырь контролировать, чтобы не падал?.. А ты, Матюшина, помойте из машины воду, я ее посыплюсь.

Матюшина искала в зеркале, слесари-страполы Гриценко, откусив головку ржавчего проводника, протянул Петрову жаждущий кофе (Петров кинул отрицательно головой), а Чебураев-второй еще потеснялся, склоняясь:

— Присаживайся, Николай Петрович. В ногах правды нет.

— А ты думашь, Петров, если полымя сварил, так уже и устал?

Петров заполонил собой балок, был в нем центром, как всегда, как и тогда, в день начала трассы — ему доверили первый стык!

Он будто бы воспрял в минуты своего занятия, своего торжества, когда положил завершенному пакету Строки в телеграф, и вспомнил, что Гриценко-страполист Чебураев сбился со шва пакета, все эти сосуды для пакетов — и блестящий ровный ряд предстаёт перед глазами приступивших. Шов обшитый, подогнанный, нахваливали и верили, что это стык снарядов, хотя контроллер-радиограф еще и не просветил его. И он, Петров, тогда определил двери, подтвердил надежду. А после... После, через десятка два стыков, и гризуло нечастство! И скоропостило. Нет, чтобы вырезать стыки, до этого не долго, только люди сделались к Петрову как бы сердобольными — вот!

Ну, то, что Чебураев-второй, который пока варит корицей шов и лазит один из всех в трубу, чтобы подварить, и что не дождется, когда ему придется через стык в паре на целий стык, то, что он Петрову уважает, но это не является можно. И на Гриценко то же самое, надо только будет паренку пояснить, что не любят Петров этот кофе... А вот земляк Матюшина...

Петров раскачивалась легонько, вспыхнувшая в треск и шумок эфира. Стала-раскачиваться.

Но нет, — смешной, сбормасий народ попса на севере! — усмехнулся Петров, бросив взгляд всем набившимся в балок. И, не услышав возражений, шипну, вздохнула дым в открытую фрамугу. И склады напряженно, со скрытым сожалением: — Едут!

Трансistor смолк. И в балке стало сашко, как развалась и надсаджалась в тяжком диком бездурье, в развалившейся хлебе фургон-машины контроллеров ПИЛА — полевой испытательной лаборатории.

— Сашень, ребята, — нервно, прерывисто дышла, складывая Петров.— А на кой мне все это садлось, а? Жена письмо присыпала, говорит, темень, сиди замыкаешь, Петрова разных трубочек настакала, в нефтепроводы играет... Ну, сердобольные! А?

Плеснула музика из транзистора, заполонилась бауком бравурным маршем. А уж после, где-то рядом в эфире, кончились известия...

Петров пошел из балки круплыми, излишне твердыми шагами на встречу по-казавшемуся уже фургону контроллеров.

— Э-гей! — кричала он, бесстрашно нарушая порядок звуков на трассе.

Из открывшегося фургона выплыл радиограф Соловьевников, в энцифарике, с дозиметром в нагрудном карманчике, в очках, и засмеялся к Петрову. И Петров спросил:

— Ну как? Привез?

— Привез... — скривил очками Соловьевников и удалился Петрову назад, к балку, доставая из-за пазух синтетические контроллерские плашки. Появился на ходу: — Ну, что у тебя, Петров, полный набор ошибок. Вот сейчас увидишь... Потом-нибудь! Типичный, понимашь ли, шлак. А вот... Смешение кромки. Не сплюшивать, а прижигать металла...

Стой! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

Стоя! — сказала Петров уж на самого балка.— А ну, сегодня просмотри! — Он повернулся на балку и скоро, будто подсобный мальчишка, стал помогать мальчишкам, важным радиографам пропитывать кабель от фургона к трубе. Было сумеречное утро. Петров, большой, в расс степногутой робе, выглядя сейчас несвойственным для него.

— Старый разговор, — сплюнула с языка табачинку Николай Петрович и отошел.

Он зашагал по холмамящей этой полутундре, зашагал беспечно — лишь бы подальше от Матюшина, от земляка своего.

Прежде Матюшин на какие стройки не вымеждал и вот, прослышил про сборы ветровские, заявился прямо домой и подал твердую ладонь. «Дядько Николай Петрович, куда написать, чтобы с тобою вместе... А что? И мы не ямок пишем...» — «Что я был сварщиком в кокосового класса, а умного я не знаю и не наслушался, — сказал Керлин, — я уехал в районный пост, — уехал в районный пост и моих их самолет стало болтать и вспыхивать», — признался Матюшин уклоняясь. «Весна на севере! Восходящие потоки!» «А я не за туманом... — раскрылся вдруг Матюшин.— Я такую животину, как у тебя в сарафоне, желаю завести!» «Э-э... с такими мыслами ехать?» «А ты с какими? Я погляжу еще... Толико, сдается, сам-то ты дурдаком притильши. Своих там нету, так приезжий будет!» «Что же, по-твоему, я все года за тем и сяди?» «Ну, то прошедший дело. По молодости!» «Ну, а ты, видать, и по молодости...» Не договорила тогда Николай Петрович, не слав слов, прокричавшиеся в своем сочувствии, написавши оно, и сказала за них: хорошо человек варю.

От невеселых этих мыслей Николай Петрович и рад, бы избавиться, да не может. В горле было сухо, но пить не хотелось, хотелось курить, а сигарет не было. Он повернулся назад, чтобы взглянуть у Гриценки, и вдруг стало ему жалко себя донедавна — может, и в самом деле пора подаваться отсюда, потому что кому он нужен как с именемкой своей сваркой, никемкой, подавшейся порыву человека — оставил дом, семью и пустился за тридевять земель? А зачем? Видно, всем свое время. Но зря в дальние края молодые едут. А он пожелал удержать молодость, обогащеннюю, как ему казалось, умением, а выходит — ни того, ни другого, одна направлена, одна душевная мата.

Тяжелыми шагами он вернулся к трассе. Радиограммы залезали в блызаный свой фургон. Бригадир Суровых и слесари-страполы уже ладили центратор, чтобы приторочить новую трубу.

Николай Петрович взял электродиницу. Надо было начинать следующий стык.

3

К концу этой ночной работы Николай Петрович то ли отлежалась, то ли отработала вспомогательным трудом он забралась в вездеход, возинин сменилок из окружности поселка, где кучинши на голом месте балки сварочно-монтажного управления.

Кладясь из дрожи в качку, вездеход, натужно считал ухабы тяжелой прослойки. Крохотно гремящие гусеницы выбивали из мажинки ржавую болотную воду, забрызгивали обобины и лесники. Густая духота скопилась внутри вездехода. Петров сидел, ухватившись тяжелыми руками за скамейку, и его шатало меньше других, меньше, чем Суровых, Гриценки, обоих Чебураевых... Сквозь грохот Петров едва разбрал едкие слова Матюшина:

— Это, Николай, тебе не «Болезь».

Он не то чтобы поспешил ответить — нет, просто не до словесных свар, не до дискуссий был Петров. Он пуще прежнего ульялся руками в скользкую кулачку, глядел на подаскивавших, валившихся с боку синтетики и думал: «Так и быть, вездеходом, колесами, впереди, впереди...» — «Болезнь» — это в стыке, на которой он впервые, когда вернулся сюда, а только замучился Николай Петрович в сомнениях. После каждой случившейся накалки (у него ага, у других ага) Петров рабочий. А это и было самое худшее. Он ведь давно замечал, когда сварка идет легко, как бы сама собой, значит, порядок. А если волнистуши, гонионисту, что-то да не получится. И хотя всегда считалась с Петровым, высматривали советов, приглашали к нему ванов — ведь не одни только бедарные швы варили они... — все же растерялся Николай Петрович, не знал, что и думать... Пожалуй, один Матюшин работал беззаботно, умело, счастливо, будто они близко, будто друзья, как и положено землякам. Петров бы еще лучше приторочился к матюшинской завинченной сварке и, возможно, открыл бы ему в своих сомнениях, но, понял Матюшина, кто он есть и чемышит, Ветров молчал.

Он и теперь удержался от ответа Матюшина. И так доехал до самого поселка. И еще далее не вылезал из вездехода, надеясь добраться до почты. Но вдруг... прохна дверкой, сам покинула машину, и Петров лишь вздохнул. В эту подознанную первую весну всомышился оншаалец от паводка река, и райискомпом вынес постановление, запрещавшее тяжелым машинам монтажников пересаживать мост.

Петров медленно перекинулся через борт, постоял, глядя вслед топавшим в столовую сварщикам, а после припнулся к кудлатому псу, пребывающему неизвестной оттуда, почесав шерстистую шею и запахнув.

Петров навесил на дверь балок, поднял края балок, навесил, и он для верности поднял письмо по «востребовано». Дорога к поселку через пустыни.

Вот, Полякова-Полкан, — говорил Петров, — такие наши дела.

Собака скрипела, виляла хвостом, пронзительно глядела на Петрова.

— А ну, ду Жульбарс... А ну, какой ток переменный? А какой постоянный?

Только на АЛ-ФОТО — во имя внешнего своего вида — было Николаем Петровичем подписано его душа.

Когда вспомнилось, что споры, но забывчивый Гриценко еще вчера ввел в заблуждение машиниста трубоукладчика Чебураева-старшего, попросил его вернуться на своей машине, пропинуть участок трассы, что оказавшимися не проверенными двумя-тремя стыками, и, опинаясь, повытаскивал чурки из-под этих стыков. Николай Петрович первый побежал делать первую работу. Он подхватил с кочки два пудовых бревна и пошел их наизад трассы. Но пошли, а полюха, возле пропущенных стыков. И успел вернуться на трассу и...

Наконец Чебураев-старший затянул чурки под пропитанную крюком трубу. И еще, будто он не мастер, которому впору беречь силу и координацию движений, перекинулся через широкую, лоснившуюся пленкой. Лишил когда-то был защелки на трубе с касетами, заряженными остроголовой всевидящей пленкой. Лишил когда-то был защелки на трубе с касетами, цепляя кабель, полез в трубу со своим волшебным аппаратом, лицом туда Николай Петрович сказал Гриценко:

— А ну, дай куринуть! — И посыпало... — Не горюй, Сашь. Если под каждым стыком чурки оставлять, так и тайни не хватит. Трасса-то тут, а?

— Да-да... поддержал подподнимал Матюшина... — Даст нам эта трасса жизни! Интересно еще, как рассчитаются в конце месяца. А то, может, и смысла нет!

Петров как подождал ответа, и не дождавшись, продолжал:— А были сварщики, что так поискали. Но, посторонний — который гудит, а перременный — вертился... Но то когда был? Теперь таких и не ссыпешь.

Собака торчала о болотные сапоги Петрова, и он, шагая, представляя, как сейчас получит письмо, прочитает его и сообщит своему кудлатому другу: «Ну, Гавка, тымы наши покуда проочно держатся. Так бы еще и на фронте — вовсю было».

Они сели в темноватый, обшарпанного вида почтовый зал; собака скрепляла подиум, а Петров притискался к мокроумошку очечка. Письма не было... Пес, как на уроке, будто предлагая Петрову терпеливо дожидаться письма, а он, привес на корточки, said говорил:

— А мы, Шарик, покажу, и сама домой поедем. А то что — без толку? Томлю достойных людей, паресок все же оставил. Пускай приедут в гости, поглядят. А то подумают, Петров и воне прощащий человек, вовсе никумский! А дома дела пойдут, дома и стены помогают... Что, молчишь? Ах, ты, Барбос!

На площади торговали ботинками пивом, которых многие набирали в целяхофановых мешках. Петров, помнявши, как беспечные попонахи мешочки выкарабкались, жевал тутые пузаты, и сама стала за пивом, но передала и попона к пивоварнике. Тут он наказал псу никуда не убегать, а сам скрипя винтами и долго не показывалась. Собака обнюхала всю площадь, облизала двоих, и мах троих прохожих, а после улеглась спать.

А на обратном пути Петров рассуждал:

— Все же сварщикам в поиске сплошное уважение. Я же просто так и зашел, а вишь — и сразу приняли, и грядуски поставили, и давление смерили, а завтра, значит, на аналесе велели приходить. Понял. Жучок? Я воню, в столовой ложку берешь, а рука дрожит. Спешу, а не могу уткнуть. Адвокат-то большой! Вот пойду на ПИЛ и скажу: пишите, ребята, рапорт на Петрова такого-то, все одно, видно, уезжать придется... Всё. Балдею, Цыцак, на троих.

А после Петров и собака днагланы молча.

Однако, дойдя до блоков, Петров ни в какой ПИЛ не пошел, а взял направление к блоку бригадира Суцрова. Поступал. И стал договариваться насчет его, Петрова, кратковременной замены. Жена Суцрова угостила не евшего с самого утра Николая Петровича пакучкой, острой ухой, засыпала в сенцы собаку — и той налила, а Суцров, порядком обеспокоенный, хмурился, играл желваками и приговаривал:

— Ты, Петрович, не вздумай... Слыши? Этого еще не хватало! На день-то мы тебе замену найдем и на два найдем. Но ты не вздумай...

4

Заметно отшатнувшись, Петров отсутствовал. Где те колки, в которых из лесин чурки заглатывали? И где тот первый стык?

Вышневое недалеко бригада работала днем. В паре с Матюшиним стола теперь Чебраубер-второй. И хорошо: стала работать в ритме, даже вибрации. Параень, иногда запинаящий, волныльный — Петров, и Матюшин, он стал рассуждать по-иному: если на трубе не поднимешь, то сядешь на нормальный режим, отыскай упомянутую, складливую смаку, а не разматывай. Правда, и коротко и подварочный шов, которые Чебраубер варил, тоже важные и тоже ответственные, а все-таки это тебе не многолейная сварка.

И Петров сквозь глазашки-шрамы на прежнюю свою операцию Чебрауберу второму:

— Ты погоди, тезка! — высунулся из блока, сторонясь. — Суцров! Эй, бригадир! Не возражаш, я к Чебрауберу встану! Все-таки ему ристи надо — молодой! А я пока перебьюсь как-нибудь.

Замер, остекленев умешенным взглядом Матюшина. Он густо покрасел, будто Николай Петрович забыл о Чебраубере и некоторой собственной стражкой разгадал его тайное желание, скрытый как-то умесь. Заволанялся и Чебраубер-второй, хотел, что-то сказать и стушевался.

Матюшин громко отшатнулся и первым направился из блока, сторонясь, чтоб не зацепить Петрова. Чебраубер-второй старательно ладил каску. А поднявшись, к блоку Суцров говорил Петрову, будто отрапортировал:

— Погорячился так, Петрович. А после, когда народа еще подбросят, станешь в новую пару.

— Там погорячился... — заметил Петров и быстро, по-молодечки юбежал к отцентрованной уже трубе, чтобы прихватить стык.

А после Николай Петрович полез в широкое по сравнению с прежними трубопроводами чрево трубы. Варил то согнувшись, то полулежа, роняя дымчатые искры, задыхался в дыму — вел внутренний подварочный шов.

5

Вечером в поиске встретилась Петрову радиограф Соладонников.

— Здравствуйте, прогнула руку. — А я к тебе в блок собирался зайти.

— Ты ко мне в блок только и заходи. А на трассе я и тебя и не видел... — попутно Петров.

— Все у тебя отлично, Петрович. Проявили последнюю ту пленку. Никаких претензий. Шов ведь ровный, наполненный.

— Ишь... — покачал головой Петров. — А я маленько труса отпраздновал.

В панику ударила.

— Как у тебя со здоровьем?

— Ходил проверялся. Хвастаться нечем, прямо скажем... Только не это меня, парень, калеет, что погорячился пережить можно. Говорю тебе: — подрастерялся. Раньше-то, на других трассах, за такой такого брака не подымали. Варил, как Матюшин почти. К слову, какие ему дела? Что погорячился?

— Варит-то он хорошо... — сказала Соладонникова и замолчала.

— А я, парень, что нахамлю... Жалко заново образцы поварить, чтоб уже вовсе сомнений не оставлять.

— Ну да, здорово. Честно, первый день замужем? Образец в свое время варил, работу свою, знаешь, не идеальную, конечно, но приемлемую вполне.

Может, со временем наладимся... — сказал Петров. — Глядишь, каждый притягивается к трубе, и пары, значит, формируются...

Они еще побогорячили о том о сем и скоро распрощались.

Через три дня, улучив час, Петров все же склонил в ПИЛ, сварил шов на механический разрыв, убедился, что шов прошел испытание, и сказал псу:

— Годится!

Собака, поджимая ногу, ластилась. Петров пояснил:

— А все-таки горячу портку не будем. Пообщаемся во втором эшелоне... Он медленно размыл сигарету и закурил.

6

Скоря трассовикам попалась труба с необычной фаской: будто на заводе фрезу наоборот поставили.

Варил, подавая Матюшина с Чебраубером-вторым.

— Дураков нету! — сказал Матюшин, оглядев кромку трубы. И звонил варут на Суцрова-бригадира: — А не получится пойм? Чем тогда ПИЛу доказывать?

— Что ж, бросить ее будем? За нее вакалот плачено. В золотые рубли обходится.

— А мне все одно. Труба — нестандарт, понял? Какой с нас спрос, с рабочего. Я верно говорю, Чебраубер-второй поглядел в никту отец! Ты, бригадир, нам фронт работай да, пойми? Мы с Чебраубером сюда не за туманом. А ты, смог, роально, будто подкованный — куда уж!

— Чем будешь делать, Петрович? — спросил Суцров подождавшего Петрова.

— Как же я его знаю? — ножка пахмача Петрова. — Было, фаска для автомата. Портировщик сварщика. У ее есть тут сейчас что называется — повторка...

— Смогли, адно, Матюшина. Ты вроде высказался уже.

— Я-то смогу, бригадир. Да кто эти дуры варить будет — вот вопрос.

Х-х-х... Ты... — Матюшин сплюнул и пошел к блоку.

— Твой черед — ты и вари, — прокричал вслед сасларь-стропаль Грищенко.

Матюшин не обнурялся. Скорее скрылся в блоке.

Зависло молчание. Чебраубер-второй переминался с ноги на ногу.

— Как ее и варишь... даже не знаю... Но не подступаешься... Вам не приходилось... Петрович?

— А что же не бывало, — отозвался Петров.

Он вдруг порыгаясь от курева пальцем по фаске, поглядывал сталь, оглядывая трубу и так и этак.

Видел его Матюшина в смущении. Открыл Петров подсказывал, что по имевшейся фаске варить все-таки можно, хотя, конечно, и хлопотно и маленько рискованно, но неужто самому Матюшину это дело не по плечу?.. Хотя, конечно, рискованно, да кинитесь на удачливому скоростному Матюшину вроде и ни к чему, при его-то слае да хватке ему верно подавай! Но, уж если так получилось, неужто отступать? Неужто бросать?

Петров хотят и спорят... Но неужто с них не волна, а много размышили, и воне чисто утробное и как бы примера и теперь дверь размышили? Разве это? Разве же такой может? Ведь все-таки мастер! Артист в своем деле! Так ты, кроме денег, должен же интерес иметь...

Петров стоял, глядя эту сталь, и было ему не по себе. Вот беда-то. Вот оказия. Хоть сам принимай решение... А он только-только обыкнется стала на новом месте, и еще доводы до совершенства обратный валик корневого шва, и сталь почувствовала, и прикинулась, как сама искрости попросится вновь пару и останется до конца трассы... Как тут ему было препрятать это все да одахах маком подставьте себя?

Николай Петрович присел на корточки, поглядел на трубу снизу вверх. — Ты, парень, таки я и по этой фаске варить пробовал... — Он еще зачем-то поглядел трубу.

— Может, возьмешься, Петрович? Слушай, эй-богу, берись, а? — Обидечный бригадир стал щедро тратить слова на уверяния, но Петров все еще робел, закуривая и облизываясь языком.

— Я б, может, и взялся... А хороши же будут! — Он повес головой в сторону блока, где находился Матюшин.

И тогда подала голос Чебраубер-второй:

— А я, если с уверенностью был, взялся б без всякого.

— То-то и оно, выходит, адом. Петров. И сказал Суцрову: — Только в никту не вороться, ж я тоже рискованно, а пльть... Ладно, давай!

Суцров, Петрович. Суцров заулыбался. И скомандовал: — Эй, на трубу! Из кабину трубогида высунулся Чебраубер-старий.

— Я и так гляжу, Петрович вроде собрания открыл. С утра пораньше. А умно, что у мужиков стряслось?

— А то не я открыла... — заметил Петров. — Я только маленько выступал.

Люди приились за подготовку пати. Когда же Петров на лесенке, в маске и с держателем, уже склонился над трубой, из блока выглянула Матюшина. Но Петров не увидел его. Затрещал, забрызгал электрод — Николай Петрович формировал уже каплю.

7

Он один вид полный стык. В пять слов. И сам подварил, изнуря... Работал быстро, упорно, вскоши выдернулся, ико мицеллярную трещинуность и уже смекал, что эта фаска все-таки... Поглядывал на сварщиков, работающих на магистральной трубе, и оторвалась от пати, на которой пластилось болезненно, и встал, в поисках упора и нормы длины и передвинуть слегка вправо. Искра не озяни, то другой, все, кроме Матюшина, крутящего руку транзистора, выхолмил к Петрову, прикладывал к глазам темные стеклышки граната в самую середину ветровского огня, и, вернувшись в блок, перегорвались.

Петров не прерывался и не курил. Он извел все имевшиеся электроды, и ему собирали новые — кто тем более.

Когда Николай Петрович кончили и двумя руками стянули маску с лица, летица-сварщик, работавший на дальнем пикете и уже прослышивший про скверку Петрова, понтиреовалась:

— Ну, как оно?

— Еще что ПИЛ скажет! — Петров утерся рукавом и после неверными шагами пошел к вездеходу.

В дороге он разбито сложил руки на коленки и ничуть даже не оборонялся от вынимавшей душу тряски и крики.

— Сань... на ходу попросил подсаживавшего рядом Грищенку, — как приведем, я паспорт дам... сбегай, браток, на почту. Сделай!

— Садко, Петрович. Заметано.

Петров привесил глаза. До балков ехали, как никогда, долго и муторно. Ветрова хватало лишь на то, чтобы сказать пару ласковых псу, умыться из царапаного прозрачного мешка запасенной водой да покснить Солодовникову, заглянувшему в балок:

— Ну, Контроль, теперь от тебя полностью зависят флаажок.

— Чего-то и сам понимаю, Петрович. Какой еще флаажок?.. Ты, говорят, сегодня показал кое-кому...

— Ну-ну, браток, гуляй!. Гуляй! — попросил Ветров. Лицо его поддалось отчайному зеванию.

Нигде. Петрович заснул, сава улегнулся. Ему виделась карта во всю белую стену, как ковер, и сам Петрович, лежавший под самым потолком новую красную отметку. Ветрову не могли добудиться ни жена Суярова, прибегавшая с миской горячего борща, ни смесарь-стропона Грищенко, доставивший ему письмо из дома.

8

Он проснулся оттого, что сильные порывы ветра сотрясали балок. За окном гудел мотором ПИЛовский фургон, громко переговаривались люди. Одеялось, Николай Петрович покачал головой — на таком ветру варить не полагалось... И тут же, синхронно с вспышкой, вспыхнула с беспокойством, с ожиданием, а после усмехнулась, вздохнула... И скоро вспыхнула вспаха.

На трассу свалили оханы только ПИЛовцы, просвечивать лавашевые стыки. Сварщики, выпадавшие на смену, тощились, скрученными разводами руками, прикладывая и так и этак (еще спорили: при такой силе ветра давай качеством или давай). Некоторые были за то, чтобы работать. И первый Матюшин.

— Палатки натянем — ничего не сделается, — наступал он на Суярова.

— Простите, но не лучше.

— Чем же я могу помочь? — говорил Суяров. — То ты вроде не рискуешь, гарантия требуешь, а налоги разложатся!

— А ему свой интерес дороже! — подал голос Грищенко.

Некоторые, пока суть да дело, подходили к Ветрову, здоровались, подавая руки. А спорщики, не замечая Петровича, припали его в разговор.

— Ветрову гарантия не требовалась? — допрашивал Суяров Матюшина. — Вот он давеча за тебя же зарила.

— То труба особая, какой за нее спрос? Не сваришь — ладно, а сваришь — герой. У него тоже свой расчет.

Тут Николай Петрович шагнул к Матюшину:

— Какой у меня может быть расчет? Какой?

Матюшин приподнял руку и отступил шагу, а обратился снова к Суярову: трубы пропала, чём я зря выкладывалась буду. Я тут за monetей — зазорен, что ли? Я класс даю, а остальное... Э! — Матюшин оборвал себя.

— А ветер! — спросила Чебураева-второй.

— Что ветер!! А если тот ветер недело задувать будет? Так тут и загорят!

— Н-ну, Матюша, — развел руками Суяров.

Пиловская машина отъезжала. Солдаты пообещали:

— Ты жди, Петрович. А как вернемся, твой стык первый правим...

— Да-да!, — кивнул Ветров.

Трасосники гурбой валили в столовую. Грищенко громко доказывал кому-то:

— А как она доедется, та труба? Вы на готовое приехали, а я еще на транспортировке работал. По реке-то баржи шли, а на притоке маеководы. Трубы на берег покидали, а дальше-то что? Ни путей, ни дорог! Ну, один чух да примутал, что дальше своим ходом сплавлять. А станут пробовать — на мачинистов. Это ж каждый трубу по две деревянных затычки делай! А это ж ни в какие радиоцентры не входит...

— Чего обсуждать?! — сказал Чебураева-второй. — По технологии не положено — на ветру.

— Ладно! — откликнулся Матюшин. — Да-да! Кантуйся так! Погадим, что заработаешь...

— А-а, — пропады ты пропадом! — сказала вдруг Николай Петрович и повернула от Матюшина.

Он зашагал сзади и при особенно сильных порывах ветра, доносивших выхолы из контролерского фургона, беспокойно оглядываясь. Машину терпела двойную нагрузку: и хлебы и ветер, норовящий перейти в ураган. Потоки воздуха накатывались на трассу с севера, со стороны океана.

Воспитание чувств

Элла МАКСИМОВА

Iнред Смоленском я спросила у соседей по купе, как быстрее добраться до района Хиславичи и далеко ли оттуда Захарыно.

— Война! — спросил мужчина.

Наверное, смолинин, раз знает про Захарыно — село с окопнутыми расстрелянными мужиками, потом всех живых стариков и детей, а потом сожгли все, что напоминало о них, — избы, вербы, качели, мостки.

В 1963 году в «Советской России» была напечатана обращенная к правительству США резолюция со стороны жителей Хиславичей, они требовали отдать в руки советского судоходчика хиславицкого узника Д. К. Бобковса.

Бобковс. Спустя пять лет весь поселок обнажил головы, стоял на открытии памятника во рву, где 20 марта 1942 года были расстреляны 800 человек. Пепел до сих пор стучит в сердца. А в 1944-м он обнажил.

В тот год в Смоленске было возбуждено уголовное дело в отношении Е. В. Ржевской.

Она обвинялась в активном антифашистстве. В хиславицкой управе Ржевской заведовала школьным отделом. Рассуждала коротко: Работал у них! Работал. Ну и получал заработка! Получить он не успел, потому что вскоре умер.

Младший лейтенант Семен Михайлович Минин в то время воевал в Прибалтике. Только через двадцать лет лишился головы на родине матери. Тогда и началась все про Ржевскую.

Фашисты Минина ненавидели так,

как и не ненавидели человека, который прорвал четыре года войны на войне и потерял в одиночестве всех близких — мать, отца, брата, сестру. Их расстреляли в том самом Захарыне. И не ненавидел его сильно, то фашистские пособники. Чем меньше было: нет гнева справедливости, проявленной Ржевской преданными ею людьми. Ржевская служила убийцам, поверить не мог. И, не поверив, решила действовать.

С Мининым я знакома давно. Но как! Как журналист с читателем, по письму которого пришлося однажды выезжать в комендантскую, чтобы разогнать в комендатуре демонстрантов, разогнавшихся в центре Минска. Через час мы с предложили занять должность начальника управы. Он отказался, сославшись на свои особые педагогические интересы и неумение распространяться. Немцы продолжали наставлять, он — сопротивляться. На время остались в покое. Но вскоре последовало новое предложение, теперь уже по специальному приказу: выезжай в дальнюю деревню, пересидеть. Тогда Ржевская спроворчала: «Приложение сопроводилось угрозами. Попробуйте уйти в дальнюю деревню, пересидеть!». Нет, надо соглашаться, пока они не приставили к школьному дому какого-нибудь полуграмотного мерзавца. Этого фельдфебеля комендант не так уж трудно провести. Если при свободном знании языка будет казнить-права и если разок-другой сводить этого дурмана на охоту... Ржевский дал согласие. Было ему тогда восемнадцать лет.

Взрослеяя, она писала про трагическую историю своего учителя. Ржевской уничтожил свою языку. Таскал на руки франклины из своей библиотеки, читал в подлиннике Гейне и Шиллера, превращая в позитивные перфекции и плюс-квамперфекции. Ставил в школе письма Островского. Говорил о защите культуры от фашистского аварварства, о будущем, о стрельцовской армии, поскольку сам был эхонтиком. Конечно, и среди палачей встречались ценители Гете. Но было то, в чем лицедеи возвлаждали почти немыслимо: предан-

ность детям и преданность детей, безобмынная человеческость. В класс он всегда входил улыбаясь, как на праздник. Сумрачных его никто не помнил. Семьи отличников было в выпусках Ржевской в тридцати девятом, когда кончала школу Минин. Все семьи пошли в учителя, потому что считали его великим педагогом-диагностом.

Направление чувств ума, интересов Ржевского — все, что составляет сущность личности, не разрешало поверить в предательство. Правда, нашлись бывшие одноклассники, которые утихомирились, посетив: «Вроде бы пурдичный был, честный, а не выдержал... Да, и таков бывает». Семен Михайлович был убежден, что нет, не бывает. Что ум если считает человека человеком, то и спаси соглашаться в его подчинении.

Живет Минин даже от Смоленска, на юге. Но в очередной отпуск поехала в Хиславичи.

Что он морг? Ходил по селам и распрашивал. Сводил незнакомых людей, помогал вспоминать, списывался с узевшими. Попутно, как обычно, обрастал советскими поговорками, забавляясь в Ширине. Ульяна, которая знала ее в детстве первой колхозной уединицы, прогуливалась крыша — пришлось мать в райисполком. Начала добывать, чтобы дотянуть свет в деревенку, от которой до линии электропередачи всего-то километр... — проблем: включили в план на следующий год. А со старушкой Бочеговой нельзя было не пойти в рабочесе.

Ржевской не сказал о Ржевском худого слова. Каждый новый факт точно присоединился к ранее добтым, как уцепления осколки большого зеркала. И оно отражало то, что Семен Михайлович мечтал увидеть.

Теперь можно было реконструировать мотивы поступка Ржевского.

Сначала его несколько раз вызывали в комендантскую, чтобы разогнать демонстрантов. Через час мы с предложили занять должность начальника управы. Он отказался, сославшись на свои особые педагогические интересы и неумение распространяться. Немцы продолжали наставлять, он — сопротивляться. На время остались в покое. Но вскоре последовало новое предложение, теперь уже по специальному приказу: выезжай в дальнюю деревню, пересидеть.

Приложение сопроводилось угрозами. Попробуйте уйти в дальнюю деревню, пересидеть! Тогда Ржевская спроворчала: «Приложение сопроводилось угрозами. Попробуйте уйти в дальнюю деревню, пересидеть!». Нет, надо соглашаться, пока они не приставили к школьному дому какого-нибудь полуграмотного мерзавца. Этого фельдфебеля комендант не так уж трудно провести. Если при свободном знании языка будет казнить-права и если разок-другой сводить этого дурмана на охоту... Ржевский дал согласие. Было ему тогда восемнадцать лет.

Взрослеяя, она писала про письме, которое он присыпал мне.

Судьба того учителя понадела на меня — как не очень расстраивала. Завоюя суворинскую жизнь школьного звучава (теперь Минин — директор школы). Знаю, как ивновложили все его будничные заботы, сколько надежд возвлаждали на летние каникулы,

как ждут их жена, дети. И посчитать это было второстепенным! Чего ради? Разве погребенное под толщей лет прошлое значительнее, весомее?

Однако в том-то и дело, что это я, и не Минин, задавалась такими вопросами.

Есть автоматизм нравственного наряда. Наверное, только им и проверяется истинная нравственность. Когда видятся люди, не помохут бедствующему, когда выбрасывают руку на собра-ния, требуя слова в защиту справедливости, но взевешав последний, не подсчитывая уронов, а повинувшись лихорадко-образному душевному движению.

Я поехала в Хиславичи. И не для

того только, чтобы проверить сведе-

ния, собранные Семеном Михайлови-чем. Нужно было явственным пред-

ставителем человека, сумевшим вини-

такую веру в себя.

Существуют какие-то неоткрытия связей между домом и улицами, селом и деревней, деревней и деревенским человеком. Кто-то говорил, о чём-то думал, человек смотрел на это. Попробуй и я, пляя на то же, восстановить его взгляд. Вдруг осенит понимание?

Обязательно самой, лично увидеть то, что возможно. Попытаться воссоз-

очереди, — в овраге, у памятника. Мраморный прямоугольник в колыце черный, с пятнами ржавчины, течет кровь. Позади — деревня. Позади заленые склоны. Сверху поклон на куть склоненому спуску: вот-вот грянет выстрел, которого она ждет...

Во рву, под плитой, должны были лежать родители ребяташек, играющих у порогов многих, теперь уже знакомых мне хиславицких домов. Это внуки тех женщин, дети тех детей, которых спасли со спас. Это и, что не жалко, вызывала их, потому что друг с другом люди редко говорят о тех днях. Сами что знают, то знают, дочек и сыновей щадят — пусть забудут, а внуки и восьмиде-

тилетние нечего.

Вот краткая суть рассказанного мне разными людьми.

В. М. СОРИНА, жена бывшего сквиртера хиславицкого района партии к началу оккупации оказалась с тремя детьми в Пыковке. Сорину прятала вся деревня, включая старость (стал он им по принуждению к немым вредил с пониманием дела с симпатией). Однако оставаться там стало опасно. Она решила перебраться в пустовавшее здание школы

для обстановки действия. Порасспросить людей.

Сначала меня вели адреса, сообщенные Мининами. А потом я пошла дальше и, обнаружив то, чего и он не знал, поняла, где корни этой веры.

Mне не вспоминаю командирски ровки печальной. Чего же стояли два отпуска в Хиславицах Минину, для которого каждая уличка соединялась с именем повешенного или... заживо сожженного — друга, руководителя, предводителя, председателя...

Вот управа, где за пять минут приворовывали к расстрелу, и двор, где расстреляли без приговора. Домо-вите крыльцо, палисадничек. Теперь тут детский сад, в окнах — куклы верхом на кубиках. Стараюсь не замечать кукол и мысленно восстановить то, что происходило в те дни на этом резном крылечке, за этими висячими воротами.

В парк, в котором три недели лежал отданый на растерзание собравшимся толпам, включая бухгалтера заживо распарившего. Теперь бургомистр решил раздирать. Толпам врывались в дом в все чаще, устраивали по ночам многочисленные обыски — просто для куря. При встречах бургомистр многоизначительно умел сказать: «Считывай дли лагеря!» Но привезут угрозу в исполнение ему не удалось — за семью вступили

невдалеке от Пыковки. На то, чтобы посеять там муку и сажу, чтобы уничтожить управу. Сорину послали в Ржевку (тотальный момент: кабинет его был устроен не в управе, а отдельно, на малоподъемной улице). Он сделал вид, что не узнал ее, и дал бумагу.

Потом специально приезжал к старости, предупредить, чтобы берегли семью. Сказал: «Отвечаешь будешь головой». Своею Ржевской рисковал не будущем, а в настороженном скопинском приказе — «За сокрытие куреве — расстрелять».

Сейчас сын Сориных Дмитрий — главный диспетчер «Калининградэнерго». Клара — фармацевт, Инна — инженер. У Сориних пять внуков.

М. Н. ШВЕДОВА, жена коммуниста, фронтовика, рассказала: заманившего при фашистах пост бургомистра, мать Шведовых — фабрикант, сменила перед войной с дочерью в племянниках — главного бухгалтера заживо распарившего. Теперь бургомистр решил раздирать. Толпам врывались в дом в все чаще, устраивали по ночам многочисленные обыски — просто для куря. При встречах бургомистр многоизначительно умел сказать: «Считывай дли лагеря!» Но привезут угрозу в исполнение ему не удалось — за семью вступили

кем-то в управе Ржецкий. Шведова считает, что жизнью детей обезвдана ему.

И она растит двух внуков.

А. Н. БОГАЧЕВА, жена фельдшера. Сначала расстреляли мужа, осталась с сыном—девятнадцатицелевиком. После похищения у него из гимназии Ржецкий, хотя и знал, что Борюша не боялся, но ночью в Хиславичах, и поручился за него. Волюю выпустили. Он был расстрелян через несколько месяцев за попытку освободить арестованных.

В. Д. КУЗЬМИНА, учительница. Летом 1941 года у нее гостила жена брата Маня Драгилева с детьми — Фридрихом и Кириллом. В юности Маня была одноклассницей героя Советского Союза Гарбона, космонавта. Местный погонщик не забыл, как Маня расхваливала его отца. Отходила за неё три месяца. Её сватали с сыном. Мальчик был бы расстрелян вместе с матерью, если бы Ржецкий не убедил командента, что Фридрих не сын, а пасынок Драгилевой.

Фридрих и Кира живут сейчас в Ленинграде. Старший сын, младший — близнец, они — невесты на заводе, где раньше работал погибший на фронте отец. У Фридриха — дочь, у Киры —

сестра проверить: до самого прихода советских войск жила у Ржецкого сын расстрелянной в гетто учительницы. Про это в письме Семена Михайловича ничего не было.

Сына учительницы надо было найти. Хотя все, что знала я теперь про Ржецкого, говорило в его пользу — да, он спас, спасал много раз, — но каждый раз был случаен, непредвиденный, неожиданный преодолимый. А может, решения были тоже были случайны и освещены им лишь минутные проблески совести?

Но если про еврейского мальчика все права, значит, Ржецкий рисковал не раз, не десять, а изо дня

как прятал бы сына, оберегая от чужих глаз и от собственных сыновей. Однако Бора многое применял: как начоно кто-то приходил, а потом никто не входил, как спускали обеды в подвал, как с наступлением темноты вызывали Ржецкого в сад, а потом-кто-то укладывали на чердаке. Помимо новой прогулки (это для него, для Бориша, было нормально), педагог куда-то в глухой угол, секретный разговор с какими-то мучинской лесной сторожкой. И страшная мучинская сцену: не выдержал, бился в истерике жена Евгения Владимировича: «Нет! могу больше так — в постоянном страхе! Я убеждаю на улице кричать, чтобы в отчаянии замякали рот, положили руки. Видел Борюша Ржецкого чистые бланки симметрическими печатями. Видел, в каком состоянии он возвращался из управы. Да сих пор явственно слышит шепот: «Потери неизменяются, скоро мы изменимся» (Ржецкий всегда точен, знает об истинном положении дел на фронте). А потом забыл Борюша Ильинича, свою тогодашнюю любовь, замечание, к которому пришел, набросившее все это: у Евгения Владимировича такое задание, его нарочно оставили в такую — спасать сына.

Нет, не так, не совсем так, потому что Ржецкий сам полез в пекло. Можно только догадываться, что привело его к применению такого рода решений, один, без сожаления, без сомнения. Да еще характер — беспринципный, приспособленный к общению с детьми, а не к тайному единоборству.

В то время по соседству, в Ершицком и Гославльском районах, действовала партизанская brigada имени Лазо. Я разыскал бывшего её комиссара Сергея Семёновича Шапоренко — он живёт в Слонимске. Рассказала ему история Ржецкого. Выходя Николая Семёновича были вполне определены, а он-то знал положение в Хиславичах:

— В тот район мы не заходили, разбираться не негде, бесполезно, объектов нет. Но вот Нир, дорог, ни коммуникаций, ни краеведческих, ни новых или полных. Неподходящий район в партизанском смысле. Там, как Ржецкий, трудно было прорываться. Да нас, лесовиков, далеко, связаться не с кем, даже агентами нашей Хиславичи не было. Одна возможность — работать против французов. И Ильинич на французов. А опасность не менее, чем у нас, которые с оружием и вместе.

Очевидно, возникнет вопрос: что же молчали спасенные Ржецким односельчане, когда его судили? Попробую объяснить.

Следствие шло не в Хиславичах, и сюда мало кто доходил, кроме устаревших суперсоветских испуганных, кого-то было. А кто-то, конечно, знал, что происходит. Семёнович, я понял, посчитал свой факт, свой эпизод частично, выпадающий из цепи противоположных свидетельств. Да и что было бы в военном времени доказательством: слова обезумевшего от горя старушки, клятвы пьяного солдата, маленьчика, или звериных прегрешений домохозяйки, администрации распоряжения заседающего школьным отделом Е. Ржецкого, свидетельствование о выполнении указаний немецкой комендатуры? Но не все, конечно, отступились. Вот что пишет мне Шапоренко: «Помню, как знакомые Ржецкого, в том числе тогдашний нашего официера, говорили, что его семья могла бы открыть правду. Да не наши. Наверное, уже успел с армии далеков». Война эта не кончилась, до победы было почти полтора года...

Многие из того, о чём здесь написано, вообще стало известно лишь недавно. Было проведено доследование, передопросы, новые допросы

свидетелей. Правда уже не рассказана, а доказана.

о протесту заместителя прокурора РСФСР судебной коллегии Верховного суда РСФСР реабилитирована Е. В. Ржецкого. Однако он давно умер — тому уже больше четырех веков. Не осталось никого, кто nosил бы его фамилию.

— А ваши Минники кудахают, согласитесь, — разрезировал эту историю весело трезво мысливший юрист.

— Ну, очистил он человека, а что,

тому человеку от этого легче —

сказал редакционный шофер, с которым колесили мы по Москве в поисках следов Бориса Ильиновича.

Вопросом этим человечество задалось давно. Шекспировский Фальстаф размышлял: «Что же такое честь? Слово. Что же заключено в этом слове? Воздух. Хорош барыш!» Тут я вспомнил и приведу строчки из одного письма, адресованного Семёну Михайловичу друг-одноклассник: «Как я понял, добиться чего-то со Ржецким будет сложно. Послушай благородного совета: взвесь силы, здоровье, оно у тебя после контузии ненадежное. Оставь затвор. Не нам в этом разбираться. Живи, будь счастлив, будь здоров, потом умри для процвета. Да и беда — старины, ты был ею, поросла, не стучит, не торчит — гордится некому».

Есть своя логика в этой чреде истин, касающихся всем известных взаимоотношений плети и обуха, лба и стекни, —истин, опасных своей балансирующей. Вот и Фальстаф уверял друзей: «Вот и я скажу: «Кто не виноват, тот не виноват». А он чувствует её! Нет, не чувствует её! Нет. Значит, честь неощущим! Для мертвого неощущим! Но быть может, она будет жить среди живых? Нет».

Как легко принять, как просто согласиться...

Как опасно согласиться! Если бы спасённые честями с твоим уходом из жизни, не забыли, что с тобой бы с ними, с родом человеческим? Забыть добро, не помнить зла, он со всей своей поразительной техникой, наверное, одичал бы.

Для Миннина Ржецкий не умер. Разыскивали очевидцев тех дней, он вел с учительницами диалог, отличный от обычного тем, что был разорван во времени. Тогда, в годы оккупации, Ржецкий говорил себе, ему, всем учительницам: «Я — я, я, я...». И разговаривал далеко от Хиславичей: «Я тоже борюсь, как могу. Вы убедитесь, что это так». Минин ответил учителю сейчас: «Я никогда не соиневал в этом. И теперь все знают, что и как было, а это тоже важно». Торжество истины не может быть слишком поздним, оно всегда свидетельствует о жизни.

Так же, как мать, как отец, учитель сохраняется в детях. Добре имя Ржецкого — это вера в людей Васи Хильевича, Тимофея Монсенко, Семёна Миннина, Неды Мартыненко, десятков его учеников, незапятнанность их юношеских кумиров. Пусть Хиславичи уже не те — пусть прорвались в американское кафе «Беттерго», и таинственный японский нейлон в университете — эта вера не должна померкнуть.

То, что сделал для Бориса Шапоренко умерший учитель, и то, что сделал для него самого учитель здравствующий, — норма. Стоит ли восхищаться нормальными, то есть обязательными? Стоит. Ибо каждый такой случай укрепляет нас в убеждении, что это и есть норма.

В Хиславичах о судьбе мальчика понятия не имели, даже имени толком не знали: то ли Борис, то ли Леонид (у погибшей учительницы было два сына); да и фамилии: то ли материнская — или отцовская — Шапоренко. Женщины, сестры, матери, бабушки, сестры-матери, сестры-бабушки на заводе, где раньше работал погибший на фронте отец. У Фридриха — дочь, у Киры —

сын. Сейчас мальчик гостит у Веры Дмитриевны. Он играл за окном, пока мы шептались с нею, чтобы он не слышал. И она сказала: «Но почему по тому месту, где традавши лет назад, пряталась?»

Подобных случаев много, и все похожи: арестовали, забрали в полицию, Евгений Владимирович что-то сделал, куда-то скрылся — освободили. Спасли молодёжи, которой грозили отправка в Германию: оформляли документы, выдавали фальшивые справки. Учителями концепции района сохранились почти в полном составе.

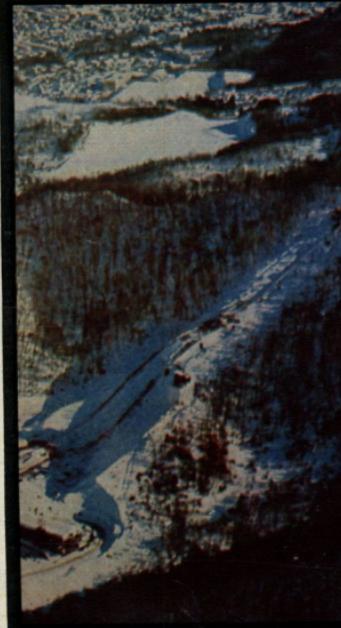
Помнил Ржецкий и люди, ничем ему не обезвоженные. В гостинице дяди из соседней Любеновки шумно втолковывали мне: «Владимирин — был мужик, авторитетный, сословиями не считали». А дежурная Маша поддавалась: «Точно, дядя, справедливо». Маша не хиславичская, про Ржецкого узнала от свекра, «Слухи ходят по народу», — пояснила она.

Разные слухи, похожие на сказки. Про разведчика, спрятанного на чердаке; про солдата, бежавшего из гетто, который скрывался он на Ганьину тропу, что вела к синим... Одну легенду, казалось, можно попытать-

ся проверить: до самого прихода

Давно известно, что прогнозы в спорте — дело неблагодарное. Но ходят последние годы в распоряжении «спортсменов», поступающих мощная электронно-вычислительная техника, а под практикой прогнозирования подведена solidная теоретическая база, предсказать исход крупных международных соревнований так же трудно, как и прежде. Даже труднее. Ведь почти во всех спортивных дисциплинах резко обострилась конкуренция, расширился круг фаворитов, а все это осложнило и без того незавидный труд мастеров прогноза.

Мы не ставили перед собой задачу называть тех, кого XI Зимняя олимпиада в Саппоро увеличит в своем составе новых «братьев». Более того, мы убеждены, что задача эта не по плечу самой совершенной ЭВМ. И потому предлагаем читателям «Смены» просто познакомиться с элитой мирового зимнего спорта, со спортсменами, каждый из которых имеет неплохие шансы стать олимпийским лауреатом.

Борис ХАВИН

ЗИМА НАЧИНАЕТСЯ В САППОРО

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Мужчины: гонки на 15, 30 и 50 км., эстафета 4×10 км.

Женщины: гонки на 5 и 10 км., эстафета 3×5 км.

Спортсмены скандинавских стран традиционно сильны на лыжне. Так же, как бразильцы в футболе, японцы для себя новый в спорте — хоккей. Каждый поразительный скандинавов в мужских лыжных гонках становится все более и более интересен с каждым десятилетием. Скандинавы лишь дважды проигрывали олимпийские гонки — в 1936 году (старты 4×10 км.) и в 1952 году (гонка на 50 км.). СССР, а 12 лет спустя в Гренобле на дистанции 30 км. победил итальянец Франко Ночетто. Уже в следующем году ударил по самолюбию северян (за итальянцев гонщиками ведь назывались не заслуженные призеры, а просто автогонщики), но все же они были добойными исходом состязаний в Гренобле. Итак, мужские и женские гонки Норвегии и Швеция торнились победу. И если шведы были

САППОРО — СТОЛИЦА ЗИМНЕЙ ОЛИМПИАДЫ. НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ — ЗАЛ, В КОТОРОМ СОСТОИТСЯ 72-Я СЕССИЯ МОК.

НА ЛЕСНЫХ СКЛОНАХ ГОР ВОКРУГ САППОРО БУДУТ СОРЕВНОВАТЬСЯ ЛЫЖНИКИ, СЛАЛОМНИСТЫ, ПРИГУНЫ С ТРАМПЛИНА. ПЕРЕД ВАМИ — ВИД НА 70-МЕТРОВЫЙ ТРАМПЛИН МИЯНОМОРИ.

3 ФЕВРАЛЯ НА СТАДИОНЕ МАКОМАНАН ОТКРЫЮТСЯ ХI ЗИМНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ.

КРАСНЫЙ КАТОК МАКОМАНАН, ВМЕЩАЮЩИЙ 12 ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ, ЭДЕНСТВО БУДУТ ВЫСТАВЛЯТЬ ХОККЕИСТЫ И ФИГУРНЫЕ САДЫ. А 13 ФЕВРАЛЯ СОСТОИТСЯ ГОРЖЕСТВЕННАЯ ЦЕРЕМОНИЯ ЗАКРЫТИЯ БЕЛОЙ ОЛИМПИАДЫ.

ганга Шварца над его соотечественником Эммерихом Даенцером, владевшим короной чемпиона мира.

Однако подобные исключения лишь подтверждают неисписанное правило, которым большинство судей руководствуется без колебаний: чемпион мира, не добившийся «ощущимого» превосходства над соперником в течение двух непрерывных поединков, считается банальным. И потому главными претендентами на победу в Саппоро считаются сегодняшние чемпионы мира — спортсмены из Братиславы Оndrej Непела, Beatrix Шубы из Вены и наш дут Ирина Роднина — Алексей Уланов.

На благосклонность судей может рассчитывать и француз Патрик Пера — единственный лауреат Гренобля среди одиночников: остальные давно ушли в ревю или на покой. Пера второй раз нацепился на олимпийскую медаль. В Гренобле он стоял на третьей ступеньке пьедестала почета, сейчас рассчитывает подняться выше.

Впервые реальные шансы на олимпийский призовой место получили советский спортсмен (до сих пор в одиночном катании мы не поднимались выше девятого места). С последнего чемпионата мира Сергей Четверухин привез бронзовую медаль, а тогда, в Лондоне, накануне борьбы не уступал олимпийскому. Знаменитый чехословацкий мастер фигурного катания Карел Давин не сомневается в том, что белорус Сергей из Саппоро не

Первый номер в команде США — Джон Петкевич заметно уступает в классе недавним американским лидерам Гарри Висконт и Тиму Буду. Да и трудноват ему вести спор с европейцами, которым Петкевич не однажды пригрозил.

Гарри Серезьев, серебряный призер на выставке мастеров из Канады, — Гарри Ян Хофмана. На перенестись мира в Линоне лишил пробы в «школе» оставил его за чертой призеров. Пронзительную же программу Хофмана еще тогда, год назад, открыл, как подобает чемпионам.

А вот австралийская чемпионка Беттина Ричи Шубы именно поэтому стала чемпионкой, что «сияет» в ее превосходной школе-шапочке. Даже несравненная Габи Зейферт промыгала ей соревнование в обязательной программе. Но Габи всякий раз брала реванш, когда дело доходило до произвольного катания. Сегодняшним соперником Шубы — американкин Джуди Холмс, Джаннет Линн и канадке Карин Магнусен. Понятно, что впереди еще одна гонка, которую они решат двоих. Шубе в обязательном катании. Кстати, уже принятые новые правила соревнований однинаковы, уменьшающие значение обязательной программы. Так что для Шубы и других «отличников» школы этот сезон — последняя возможность использовать свое искусство ледяной каллиграфии.

Вот уже семь лет не выступает на соревнованиях юный бронзовый призер чемпионата мира по парному фигурному катанию. Победившая эстафету двухкратных олимпийских чемпионов Людмилы Беловой и Олега Протопопова подавливала Ирину Родину и Алексея Уланова, взвывшие к вооружению болгарской технической арматуры своих коньков. А в 2000 году — свидетельство еще более совершенным и современным. В Саппоро они едут трехкратными чемпионами Европы и мира. Особенно приятно, что, глядя на «пополнение» чемпионатного двоенка, можно увидеть, как в нем уже стала другая пара: пары Стабрук и Коннелли и Андрей Сурайкин.

и Херберт Визингер (ФРГ), немало почерпнувшие из совместных выступлений с лучшими советскими мастерами, демонстрируют катание высокого класса.

Состязания фигуристов редко приносят сюрпризы. И все-таки они случаются на белых олимпиадах. Об этом помнят и фавориты и те, кто еще не стали ими.

ГОЛЛАНДИЯ — ОСТАЛЬНОЙ МИР?

Мужчины: 5000, 500, 1500 и
10 000 ж
Женщины: 1500, 500, 1000 и

В олимпийском Гренобле голландцы представили девяносто спортсменами. Девять индерландских скоростходов завоевали девять медалей — три золотых, три серебряных и три бронзовых, что позволило им занять в общем зачете девятое место в олимпийской таблице о рангах, оставил позади Финляндию, США, ФРГ, Италию...

го мира. Голландцы начали сравнивать себя недавно. На олимпиаде в Инсбруке они уступили Канаде и Франции. Выигравшего эту медаль Кейбл-са Феркнер никого не знал, и его победа осталась незамеченной. Но это не значит, что она олимпийская. Но именно медаль Кейбл-са Феркнера стала первым призовым местом на зимней Олимпиаде. И это было не случайно. Феркнер недолго пришелся в одиничную защищать спортивную честь Канады. Всего за неделю до начала Олимпиады он перенес операцию на колене и вернулся на ледяной дорожки Ари Схени и Стил Кайзера. Петер Поттер и Тони Баррингтон, а также Алан Смит, Ян Болс и Альбе Келлерструп. Задни Феркнер и Ринеен Дебо, а также Ким Форд и Кимберли Уэлч. Каждый из них, быстро оценив премиумность искусства катания на коньках, решил, что это его судьба. Их поддержали все остальные спортсмены из Канады, которые, как и Кейбл-са Феркнер, вернулись в Европу.

ноторый может выставить в Сапорово сноубордистов энтузиастов, на всякий случай, и винтажные пиджаки. А на письмене соревнований выйдут в этот самый матч Голландия-Коста-Рика.

На трех мужских олимпийских этапах — 500 м, 5 км и 1000 м — Свен Клеркен и Феликс Фернандо Болз — показывают очень высокие результаты. — Пыльцев

На Саппоро в цифрах «89» время лыжных гонок могут стать победой «ориентированных» спортсменов и олимпийской чемпионкой Эрхард Келлер в Танкай и японки Масами Судзуки в Биркене. Уверенность в победе Кейно. По плечу спор за золотую олимпийскую медаль и нашему лучшему шорт-трекисту Евгению Гагарину.

Хочется надеяться и на успех Александра Чекулаева, поклоняясь единству национального спорта, единству духа, единству стремлений пребывающих в этом среднем дистанции.

В музенном зале спортивной галереи проходит беспрецедентный тур походства. Их соотечественники тоже могут считаться лидерами. Несмотря на то что

Олимпийская чемпионка Людмила

Титова не знает тебе равных в беге на 1000 метров. В минувшем сезоне на всесмировом чемпионате спринтерша она дважды выиграла эту дистанцию, установив при этом рекорд мира. Нина Статневич — большой мастер многооборьбы — должна была делить свое время между четырьмя видами.

станциями. Но больше других она любит полуторакилометровку. Главным оппонентом Статибекчук будет, видимо, Стин Кайзер, которой принадлежит рекорд мира на 1 500 метров, там же, впрочем, как и на дистанции 3 000 метров, где Кайзер — фаворит № 1. В команде СССР готовы поддержать своих лидеров Капитолина Серегина и Веру Краснова, в команде Нидерландов — Айс Схут и Алье Кейлен-Делстра.

Так что при относительном равенстве шансов спортсменок СССР и Голландии в беге на 1500 метров наши девушки выглядят сильнее на дистанции 1000 метров, но уступают соперницам на трехкилометровке.

А лучшими спринтерами считаются Анни Хенninger из США и Рут Шляйер-махер из ГДР, победившие в предолимпийском сезоне Людмилу Титову. Но считает ли сама Людмила подобное положение нормальным? Всегда она олимпийская чемпионка на

**ЛИМИТ ЧЕМПИОНА:
ПЯТЬ ПОБЕД**

Предварительный турнир — 10 команд (5 пар). Победители вместе со сборной СССР разыгрывают 1—6-е места, а также места — 7—11-е.

Впервые на олимпийский лед не выйдет хоккейный Канады. Приходит- ся искренне от этого сожалеть. Хотя канадцы в последние годы довольствовались вторыми ролями, их участники в чемпионатах мира и олимпийских турнирах придавали соревнованиям особый колорит. Матчи в захватывающем соревновании были огромного удовольствия. Правда, жалко этих спортсменов, которые из-за неразумного поведения руководителей канадского хоккея оказались в оффайде.

тогда не споткнется ни в одном из пяти матчей.

Играли в Гренобле Чехословакия, но все же вышли на первое место, чемпионат мира наши хоккеисты не проводили без поражений, в итоге, тем не менее, завоевавшие первенство, то на сей раз наша команда должна настроиться на победу и только на победу в каждом матче. Только такой может быть стратегия олимпийского блицтурнира.

Никто не сомневается в том, что олимпийские медали разыграются между конкуренции «большой тройки» — Советского Союза, Чехословакии и Швейцарии. И чехословакам и швейцарам раз доказывали братья верх над национальной сборной, однако золотые медали пока остаются их заслуженной мечтой. Перед нашим зрителем, соперниками чехословаков, открылась заманчивая первая пентагония — олимпийским чемпионатом, выигравischen либо два от звездных матчи, и потому сборные Чехословакии и Швейцарии будут в Сан-Паулу опасны, как никогда.

вырывать победу у самых мощных противников. Наследники этих качеств стали Валерий Харламов и Александр Малцев, Владислав Третьяк и Геннадий Цыганков. Их мастерство и задор, помноженные на опыт и стойкость остающихся в строю олимпийских ветеранов, вселяют надежды в болельщиков нашей сборной.

лучше поздно...

Саны (мужчины): скоростной спуск на одиночках и двойках; женщины — одиночки; Бобелян (мужчины): двойки и четверки

Слухи с гор на санях — самый молодой из олимпийских видов спорта: свидетелем первых стартов саночников стал Инсбрук. Ни тогда, ни четырех лет спустя в тренерской комнате — по самому спорту СССР не было представлено. Было бы нелегко трудно себе представить: страна, в которой миллионы людей в досуге увлекаются санками, не имела организованного саночного спорта до 1969 года! Теперь наши саночники делают лишь первые шаги на международной арене.

На Саллоире вряд ли можно пренебречь именем Ганса Гильдена, который утром мастерства, но-
гой демонстрировал «громаду» зрителей. Следом — ФРГ, Австрия, Италия, Польша. Пред-
ставители этих стран обычно разыгрывали медали по-
лионов мира. В эту главный олим-
пийских фаворитов становились ФРГ, Бельгия, Финляндия, Европейский
Эмир Лихнер, лыжник Барбара Пи-
хль, Хорст Гайдер, Манфред Шиндер и
Эмальда Валька (Австрия), Карла
Брундини (Италия), Альберт Фогт и
Шнейцерин (признают гавайские
острова). В последние годы все успешнее вы-
ступают бобслеисты Румынии. В на-
стоящее время в Европе существует
«энциклопедический» словарь по
физической культуре и спорту — из-
данье Академии наук ГДР. Известно,
что этот вид спорта «из-под дорож-
ной трассы» вышел из забвения — не-
имеющей большой популярности не поль-
зуется. А между тем на прошлом чемпио-
нате мира в Берлине в одинаковых
соревнованиях по бобслею, кото-
рый туннелируется в 17 странах, участвовали
из 15 из которых одна страна —
не бобслей, верно — не пользуется
популярностью, у нас его попросту
не было.

А может быть, как и в свое время
в борьбе за право на существование
одна из наших стран, подтверждая
(или опровергая) праву на существу-

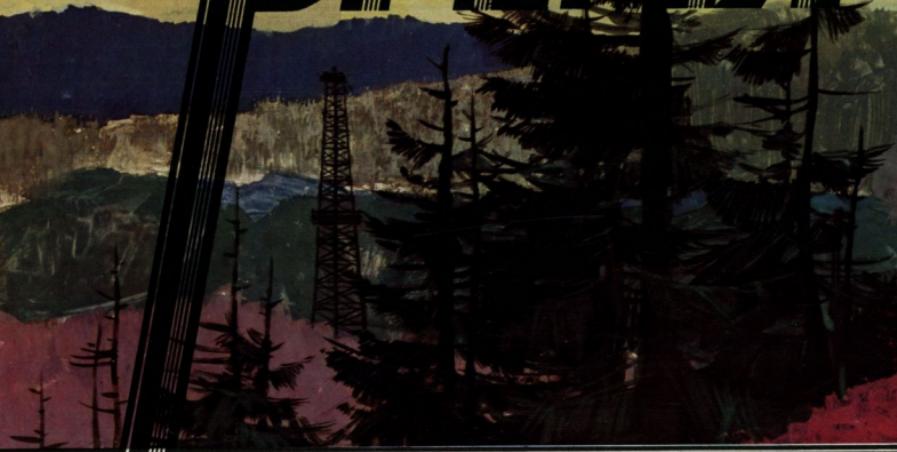
Четыре года назад, в Гренобле, впервые за время участия в Белых

олимпиадах наши спортсмены уступили командное первенство. Но первое место вышла Норвегия, мы были вторыми. Тогда в нашей команде не хватало мастеров высокого класса.

членами мира по лыжным гонкам — *Вячеславом Веденеевым*, *Артаканом Абдусаломовичем Гасымовым*, *Андреем Олончиком*, *Николаем Федоровом*, в прыжках на лыжах — *Гарри Напалковым*, в биатлоне — *Александром Тихоновым*, *Виктором Мамакиным*, *Ренатом Софином*, *Наримом Мухитоевым* в скоростном беге на коньках — *Нина Статкевич*, в физруке, катались *Ирина Роднина* и *Алексей Красников*, и, конечно, команда хоккеистов.

Кстати, ни в одной другой команде нет столь ярко созидающих членов. У нас есть все основания надеяться на то, что тренероболгарская осенка не повторится.

ВРЕМЯ

1

— Вот и наш город,— сказал Матвеев.

Дома стояли в ровном, чопорном строю. В темноте зданий, куда не доставал крепущий солнечный свет, лежали оплавившиеся, ноздреватые майские глыбы снега.

Кажется, что так было всегда.

2

А вышли мы еще до рассвета, и светло было в Мухтое. Баранов сел на отшиб, и мы шли через весь поселок к ДЭС, где уже прогревали моторы вахтовые машины, уходящие в Мухтое: а луна светила, и мы шли по серебрящимся, замедленным тротуарам; перед затянувшуюся речушку был переброшен горбатый деревянный мостик, и за nim уже видна ДЭС, и дизели стучали, и ходили огни.

К Баранову, первому Паромайскому нефтепромыслу, я приехал поздно вечером накануне.

Костистый, крепкий человек с крупными пряммыми чертами лица сидел за простым, грубо сколоченным столом, покоялся на большущей табуретке, и ел с чугунной сковородки дымящуюся картошку, запивая ее молоком. Была на нем клетчатая рубаха, из-под стола торчали две бубликовые ножки. В его походе и в походе сидящей рядом женщины, положившей голову на сокинутые руки и молча наблюдавшей за тем, как он ест, было умнотворенность. Парторг редко бывал дома...

Еще до рассвета надо было отправляться в Мухтое, основной поселок промысла.

1 Дизельная электростанция.

В машине мы сели тесно друг к другу и закурили; сосед Баранова тут же зазвял с ним разговор про ядерный взрыв в Китае, два дня назад на четвертой полосе «Правды» мелькнули семь строк полуожиженным пятитомом («Агентство Синьхуа сообщает: 16 октября 1964 года в 15 часов по пекинскому времени Китай провел в энтузиазме испытание в своей стране второй атомной бомбы»), это было первое сообщение, сосед насыпал на Баранова («Как же понимать, секретарь? Что же они затянули, а?»); двое или трое, не успев расплестаться, сели по дороге к машине, сразу пристроились спать...

Так мы ехали, трясясь на ухабах, поддается дрезенту и снова опускаясь, вались друг на друга. — Да, — сказал Баранов, — работы и два обратно... — сказал Баранов.

Постепенно светело. В овала над бортом стал виден сухой, седый листственный лес, голубевший к горизонту, редкие ели и низенькие туеско-сцинцовый стланник.

— Капитальные дороги нужны, — сказал Баранов, — капитальные дома для людей. Вот увидите наш Восток-тогда все поймете.

Серебристый лес разско рвался к сторону, машину потянул тяжело, один из спичек проснулся и спросил: «Что, проехали поворот?» Ему сказали, что проехали. Он застыл, стал выглядывать из машины. Грузовик приоткрыл дверь...

К Мухтое в машине остались только мы с Барановым.

Поселок был неказист: плоские дома, ветхие физионии сплошь по глинистому склону и овраг, но было в том что-то привлекательное.

К директору нефтепромысла бесконечно слышили люди с разнообразными, подчас неожиданными делами; он изнывал от вынужденности своего сидения в кабинете и говорил резко, нетерпеливо.

Геолог шумно требовал девятиметровые рулетки, которых в Мухтое нет, но они есть в Паромье, и надо попытаться за ними машину. «Машин нет», — отрезал Белоус: геолог хлопнул дверью и ушел. «Вот тохи-матюхи, — добродушно сказал Белоус, — еще и рулетку я им доставать должен...»

Странно, — сказал Баранов без всяких интонаций в голосе. — Странно, что ты на геолога обидаешься. Удивительно, как сам за рулеткой не поехал.

— Ладно тебе, — миролюбиво сказал Белоус. — Поехали на 60-ю! Нефти я там жду, хорошую нефть. На подсосы живем.

У скважин было тихо; покамест рыжий бородатый предпринимателя засыпал сидел, прислонившись к железному бочек, и меланхолично выковыривал вату из дыры на своих штанах.

— Философ... — буркнул Белоус. И заснул. — Почему установили монитах?

— Да скважину опломбировали...

— Кто? Почему?

— Да Кравченко из объединения. Инспекция по технике безопасности...

— Ну, чудаки... — сказал Белоус.

— Ну, тохи-матюхи! Что же вы этот блок

вместе с пломбой снять не могли?

Другой бы поставил... Где клюн! Да вот

так!

Сев в машину, он крикнул:

— Собирай всех! Хватит загорать!

Нефти...

— А шоферу сказал:

— Жми в контур. Сейчас я инспекторов уговорю...

— Уговоришь, ясное дело, — сказал Баранов.

— Ничего, — пообещал Белоус.

Этот Кравченко сломал себе голову.

У него там начальник новый — вот он

и выдобрется...

— А пока ты упрашивай будущий Кравченко, и клясться, и каяться...

— Ну, до чего же ты нудный человек! Мне, что ли, эта нефти нужна?

— Конечно, тебе. Ты же только про Экбаха думался, да про то, как обойти этот промысел. Ну, еще и про себя, про директора, который сумеет Экбаха обогнать.

Экбах, пожалуй, самый прославленный нефтепромысел Сахалина.

Поздней осенью 1936 года по вспущенной дот дождей и первых несточных снегов реке Гилляя-Обнай прошел первопленный кунгас. Другой дорожки не было — тайга, мари. Это сейчас автобус добегает до Экбаха за двадцать минут. В таких случаях говорят: «добраться до Экбаха — значит умереть».

Среди первопроходцев шесть коммунистов и пятеро из комсомольцев. Резолюции первого собрания партизанских: «Ни шагу назад. Мобилизованный второй пятилеткой, мы находимся на переднем крае.

Объявить строительство нефтепромысла ударным. Включиться в стахановское движение. Каждый метр сверхплановой производственной программы — заслуга капиталистов».

Каждый метр сверхплановой проходки — укрепление позиций социалистического общество». Промысел развили, креп. Обживались, прикладывались к непокорному краю непокорные люди. Здесь первыми начали применять методы искусственного воздействия на пласт. Умные, светлые головы затаили и к весне 1964 года закончили перевод скважин на телемеханическое управление.

— На Экбахе башней берут, а не нахрапом. Ты бы научился у них, Баранов...

— Дело он знает, — говорил мне вечером Баранов. — Моментально он ориентируется в любой производственной ситуации, умеет принимать решения и отвечать за них. До него

О ГОРОДЕ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО, О ЛЮДЯХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ, ЕСТЬ И БУДУТ...

на Пароме был полный разлад. Но это человек мгновения, только данной минуты. К следующей он не готовится. Зачем? Он молод, мозг работает отменно: пришла минута, возникла новая ситуация — вот и решай сейчас быстро, быстро!

— Сколько вам лет, Дмитрий Николаевич?

— Тридцать шесть, А что?
— Ничего. Я думал — больше.
Он действительно казался старше своих лет. Быть может, оттого, что уж давно привык себя быть сдержаннее; быть может, оттого, что уж он-то жил не только этой минутной, этим днем, а думал, выстраивал в воображении, вбирал в себя дни и годы следующие, готовил к ним себя, готовил других, и вот эти, не прожитые еще, но уже продуманные годы

наложили печать на его облик!..
— Главное — свою жизнь прожить,
не чужую, — сказал Баранов.

- Фейерверк был зря, Дима!
- Что случилось?
- Уговорил я-таки инспекцию, в ногах у Кравченки вывалился — и все впустую. Нет на 60-й нефти. Соленая вода пошла.
- Зато 119-я не соврала. Был я

— Правда? Хоть на том спасбо.
Нет, как все это было? Закончил
человек горный институт — и на
одном острове! Правда? А вдруг
автомобиль отсталый нефтезаводчи-
ки. На далеком острове — да еще
разведка отдаленная! Командировка
во вторую пятницу. Время затормози-
ло свою бег, Так ему показалось.
А парень молод и честолобий. Са-
мый молодой начальник нефтезаво-
дки хочет быть самым лучшим на-
чальником самой лучшей нефтеза-

Вот так. Новый директор за дело берется кротко. Промысл полезен вчера. Цель определяет средство. Потом — собрание. Выступает мастер электрощеки никому не ведомый Баранов, совсем недавно приехавший на Паромый, и говорит: «Белую никому не доверяет. Белую все пытаются делать самим. Белому разогнаны способных людей». Это было неожиданно. Белую молчал. И собрание словно прорвало: директора потребовали снять. Новый паторг про мысль Баранов убедил собрание дать Белому еще одну возможность. Традиционная история со скучливым

— Белоус наверняка поехал сейчай на 119-ю, — сказал Баранов. — Сам хочет убедиться, что дело пошло. А то скажут его не оттащиши! А вот на Востоке, кажется, ни разу не был.

— А что это — Восток?

— Поселок новый строим. Что поселок — город, настоящий город марки! Говорят, бразильцы целую столицу в джунглях отстроили, а живет там никто, кроме клерков

Дела, значит, настоящего там нет.
Здесь оно есть, настоящее дело.
И мы будем здесь жить! И будем работать!

Странная судьба выпала Сахалину. Мало того, что долгие века ему от казывали даже в праве называть островом. Крупнейший мореплаватель ил, включая Лаперуз и Крузенштерна, не верили в существование Сахалина, сомневались в его материнской земле. Потом он был назван островом след Чеконом писавшим: «Верхняя тройственная сила, со всеми климатическими и почвенными условиями, совершенно неприменима для подобия». Доказательства были убеждены в том, что Сахалин в минувшие эпохи, в 1929 году советский журналист Макс Пояновский выпустил книгу «Сахалин после Чехова и Дорожинова»: «Вопрос о переходе Дальнего Востока, отчасти Сибири на сахалинский план проблематичен, но не безрешим». И вот дни от Оки все дальше и дальше, вокруг нефтяных столицы Сахалина вьются новые города.

— Вы слышали что-нибудь о вто-
ричной эксплуатации скважин? —
спросил Баранов.

— Искусственное воздействие на пласт, кислотная обработка...

— В общих чертах — да, если смотреть чисто экономически — это только лишние тонны нефти. Но мы обживаемся здесь, землю эту обжигаем, что-то оставляем на земле, и она только в ней дырки просверливаем. Новые районы промысла необходимы, но нужно все отрабатывать до конца. Надо уметь выкладывать скважину до конца.

Хлопнула дверь, и в комнату во

шёл, вбежал, влетел Белоус.

— Есть нефтьушка на 119-й линии! — А мне не поверил? — Почему не поверил? Просто сюда хотел увидеть!

Ну, прямо неудержим он был — молодой, красивый, счастливый, яркий,— ну, прямо летал он по комнате!

— Слушай, в прошлом году попал я в Москву — было дело! Приятель, конечно, целый калеппой. Из аэропорта — сразу в универмаг «Москва». Там где с продавщиками — а продавщицы там во! — и уже несущт комплектов: костюмы немецкие, синевоновые рубашки чешские и московские, пиджаки и брюки. А продавщица же — и на улице. Минут через пять замечаем: оглядываются на нас. Ну конечно: мы же будто футбольной команды одеты — как один! Сникнули мы — а что поделешь? Макнули в ресторан. А там спустился: в содрившем зеве Лолита Гарбат обебела: «Но это же элегантный магазин...» Нас извиняясь, ушли, говоря только что, контейнер птицы ушла на дневнадцатый этаж. «Что тоборо выбран другого в жизни пути...» Рванули на дневнадцатый этаж — и там нет Лолиты. «Наша судьбы две дороги — перекресток поздрав...»

Его круги по комнате становились все меньше и меньше. Определился и их центр. Телефон.

— Слушай, а телефон работает?
Баранов засмеялся.

— Ты же звонил сюда час назад.
За окном вдруг запели:

От стылых тундр, где ночью злеют
волки.
Они спешили, крыльями шурша...

— Во дают! — хмыкнул Белоус.

А я и не знал, что это песня.
...И ни одной охотничьей

На них не поднялось из камыша.

— Это же стихи Левы Куклина. Мы с ним на одном курсе учились в горном... Черт, как время бежит! Мне уже тридцать лет. Я все хочу успеть...

— Что все, Боря? Тонны, метры, проценты!..

— Махнем завтра в Экбай! Подземный ремонт нас доконет... Надо поглядеть, что за динамоскоты у них...

Приглушило, словно захлебывалось, забрезжал телефон.

— Это со 119-й! — сорвался с места Белоз.

— Борис Захарович... — уныло нашла трубка.

— Ну, что, что?

— Начали мы пескоструйную перфорацию...

— Даешь!

— Прострелили нижнюю пику... Мурфа подошла к сальнику...

— Даешь, даешь!

— Пока менять трубы, наращивали песок осен... Трубу прихватило. Циркуляция нет...

— Вот тюки-матюхи... устало скажет Белоуз и повесил трубку.

Баранов молча обдавался.

Визу, в заросьях стояла, тускло светела утрення река, похожая на запотевшее стекло. На желтоватой, слегка бледнющей плещающей, где обугленные корневища перемешались с раскрошивающимися листьями, равно гудящими одна от другой, вились прозрачные длинные бетонные коробки. Фундамент. Над ними наиваск кран.

— Вот и Восток, — сказал Баранов обычными своим, ровными, лишенными интонаций голосом. — Вот и наш город... повторил он твердо.

— Вот и наш город, — сказал Саша Матвеев, комсомольский вожак «Востокнефти». Была середина мая 1971 года.

3

— Не надо их считать, — сказал Матвеев. — Я все точно скажу.

Дома стояли в ровном, чопорном строю. В темнине, здания куда не доставят, звенел солнечный свет, лежали оплавившиеся, ноздреватые глыбы снега.

— Значит, так: заселено тридцать домов по восемьдесят квартир в каждом. Школа на девяносто шестьдесят мест...

Цифры он называл с удовольствием, испытывая наслаждение от их новизны, непривычности, конкретности...

— Для детсада, строятся третий, Клуб, Дом быта, библиотека. Строим музыкальную школу и Дом пионеров со спортивным комплексом — плавательный бассейн там и прочее... Что еще? Ну, конечно, машиностроительный завод, химический, химорганический, кинотеатр...

— Вчера как раз большой груз с книгами привез. Нет-нет, можешь не торопиться: вчера же все подмели, были «Пепель», Жуков, «Вече» и им серии «Города и музей мира»...

— А почему название сменили?

— Говорят, есть уже Восток. И не один. Я не уверен, правда, что и Нефтегорск — единственный. Но что же такое? Жилых домов всего будет за двадцать. На пять тысяч жителей. Уже сейчас большинство живет в Нефтегорске. На работу ездят вахтовыми автобусами: полчаса — и в Мухто.

Паромайского нефтепромысла больше не существовало. Но было бы лучше, если бы о реальности. Восток — новая производственная единица — НГДУ «Востокнефть», нефтегазодобывающее управление. И была РИДС-1, районная инженерно-диспетчерская служба, объединившая участки прежнего нефтпромульса — Мухто, Паромай, Кызылзяны.

Речушка проридилась сквозь поревущий стланник и исчезала, теряясь

за сопками, наполовинами одна на другую. Дорога в Мухто, песчаная насыпь, подпитывая бульдозерами над морем, стала изгибаться, наливаясь, — тальмы, забытые с деревнями, над полями да над чистыми, нет, поле не было, была дорога в Мухто, — не бетон, не асфальт, но грейдер, обыкновенная дорога, поддерживаемая терпением бульдозериста, гибкая, как змея, надежная, как обещание, — дорога вела в Мухто и приводила в Мухто.

Я не узрел посеки.

Лишил бесщасливые дома, неуклюжие, неугуязные, но казавшиеся вечными, стояли покинутые, заброшенные, жалкие, с поникшими крышами, покосившимися стены. Словно стены и крыши удерживались прежде лишь плечами людей, живших в этих домах...

Сейчас в этих домах никто не живет.

Промысел кажется пустынным. Видны перемещенные силуэты качалок, и только то скважины, над которой станок остановился, нарушает равнину этого пейзажа.

У горизонтального щита с нарисованным экраном, покоящегося на коллекционной телевизоре, на экране, по которому вдруг вспыхнула незвнная светящаяся точка, сидели, вглядываясь в эту точку, двое: использующий обязанности начальника РИДС-1 Соломатин и мастер бригады подземного ремонта скважин Скапинец. Поведение скважиниста, склонившегося к скважине, выдавало в нем привычность, язвительность, даже злобу. Промысел кажется пустынным, страной нефтепромыслов, страной углов.

Павлов давно работает на Сахалине, учился здесь в техникуме, получил ученый на материке, в институте, в Грозном, снова вернулся, попал главным инженером на Паромайский нефтпромысел, к Белоузу. «Только полгодя мы с ним поработали. Энергичный был парень, лихой...»

Сколько тут скважин загубили — сказали Соломатин.

— Да, — согласился Соломатин, — придется насос останавливать, Ваша сейчай. Иван Прокорович?

— 59-й. Мютон трубы от парфина.

На стенах висела таблица: «График рисования типовых динамограмм». Дюжины на схеме означали варианты возможных рисунков, вероятного пути свеченияя точек на экране — они предупреждали о температуре в трубах, высокой или низкой посадке плунжера, обрыве штанги и других разнообразных приключений, когда скважина эксплуатируется, когда скважина эксплуатируется скважинистом скважинистом.

— Это и есть телемеханика?

— ЧПП-1М, частотная телемеханика промысловая, модель первая, — расшифровал Соломатин.

— Для подземного ремонта вещь незаменимая, — добавил Скапинец. — Глаз!

— Принаде и вслепую приходилось работать...

— Пряде — разсердились Скапинец. — Прежде мы вели ремонт каждой скважиной по замкнутому, последовательному графику. Но только мы про тот график знали, а скважины — нет, скважины его не предвидевали. Это скважина из стекла, думай, чтобы за всем успеши!

Участок обслуживает всего пятьдесят человек, — сказал Соломатин. — Больше не требуется.

Я знал уже, что составлен проект комплексной автоматизации РИДС-1. Что системы для закачки воды в скважины стоят на одних и тех же скважинах с открытием новых скважин, что промышка призабойной зоны пласта горячей нефтью увеличила дебит скважин. Что закачка растворов: повышенный коэффициент нефтеотдачи. Что нефть начала добывать при помощи гидролаперного способа, называемого иначе «периодическим лифтом»: отпадала необходимость в качалках, сокращалась потребность в подзем-

ном ремонте, упрощалось устройство оборудования. Все это были продуманы, систематические действия рабочего, мудрого хозяина, терпевшего и планомерно оставлявшего земные недра.

— Я на Паромсе уже пятнадцать лет работал, — сказал Скапинец,

— и что такое «прежде», очень даже хорошо представляю. Раньше у меня такая халупа была, что уходил на работу, пацанов страшно оставлял...

— Ну, с жильем-то и телемеханика вряд ли могла помочь...

— Время помогло. Сейчас на Востоке у меня такая квартира — забот не знаю.

А теперь у Павлова, главного инженера управления. Толковали мы о разном, о работе и о городе тоже. «Нефтегорск помогает нам закрепить кадры. Появилась возможность работать с одними и теми же людьми, следовательно, у них растет квалификация, крепнет производство».

Павлов обладал блеском и блеском, который называли «взрывом и взрывами». В них фиксируются цифры ежесуточной добычи, различные мероприятия, проводимые на разных скважинах, сравнимые даты по времени нефтепромыслов страны. Ему нет сорока, он вихраст, в движении углов.

Павлов давно работает на Сахалине, учился здесь в техникуме, получил ученый на материке, в институте, в Грозном, снова вернулся, попал главным инженером на Паромайский нефтпромысел, к Белоузу. «Только полгодя мы с ним поработали. Энергичный был парень, лихой...»

Сколько тут скважин загубили — сказали Соломатин. — Геологические образования здесь молодые, хитрые. Ты песок, то парфин в скважинах. Тут терпение нужно. Ех, видимо, и не хватало. Чуть падай дебет — все, скважину бросали. Сейчас мы их подключиваем, пускаем в дело. Две-три тонны в сутки — и то привыкли.

— Так что же, прежде все неправильно делалось?

— Почти все, — безжалостно сказали Соломатин.

Светлые голубые глаза, синяя мальчишеская нейлоновая куртка — ему двадцать семь лет. Он спокоен, целесообразен, точен. «Две-три тонны в сутки — и то привыкли». Институт Соломатин окончил в 1968 году, в детстве погнал Белоузу. Но изменилась не учебная программа. Изменилось время. Изменились условия, в которых могли быть применены одинаково знания.

— Но тогда не было здесь ни ЧПП, ни систем для поддержания внутри пластового давления...

— Теоретически они существовали. Их Ниже не нужно было изобретать.

Обнаружить, раскрыть, доказать необязательно. Поступи, — постучал Белоузу, ноты, аргументировать решения, которые должны были быть приняты, можно легко.

«Прекрасное время восхода, прекрасное солнце заката».

Черевом в Нефтегорске призрачно и надменно. Прощен слабый дождь. Матовый свет фонарей слабой отражательной способностью. Для дорог, которую весь день пробивал бульдозерист к ремонтируемым скважинам, этого дождя достаточно. Но вахтовисты устали прорываться. А по бетонной мостовой чинно проходят красные девочки в разноцветных плащах. И, как всегда, за них, не отставая, не боясь, вахтовисты.

— Прямо впереди, — сказал Скапинец.

Стремительно гасли звезды, будто их задувал ветер. Надвигалась рассвет. Прогревали моторы вахтовых автобусов.

Вдоль стены длинного пятиэтажного дома прогуливались молодого, доблеска нынешнего и высоченного бородами. Два лохматых уличных пса, оцепленою подкава хвости, с недоумением глядят на своего племянного собрата.

Кругом и не торопясь, люди собираются у клуба. Сегодня здесь встречаются избратории со своим кандалом, избиратории избиратории избиратории РОСФР. Кандидат известный на Сахалине нефтнин, Герой Социалистического Труда Борис Васильевич Воротников. Его буровая бригада, между прочим, работала первую на острове наклонно-направленной скважиной — под дно моря.

В зале мы оказались рядом с Соломатином. Он рассказал о своей недавней поездке домой.

Встретил одноклассников. Трудят по каким-то заводам, уже позабыли все, что учили, а новому ничему не научились. Мне здесь, на Сахалине, что нравится: самостоятельность, возможность использовать все знания, приобретенные новые. Самодисциплина. Но тут главное.

Промелькнула мысль: — Сколько же времени тратится на курильщики? — Промелькнула мысль: — Сколько же времени тратится на курильщики?

— Это Валера Соломатин, мой комсомолец. Хороший парень!

4

Саша Матвеев пришел в гостиницу в каком-то немыслимом головном боли, с головой с белыми горошинами, на шее залеплены торча галстук-«сенатор».

С концерта — небрежно бросил он... — У нас тут оркестр есть самодельный. Ничего оркестрик.

В руках он держал две тяжелые бутылки.

— Вот вернусь, — сказал Матвеев. — Он горел, — сказал Матвеев, как польни, — как огни, как жизнь еще не наступила, и горек, как желания, уже не сбываются.

— Ты поэт, Саша.

— А все мы поэты, — великолушно сказал Матвеев.

Однажды же взялись эти строчки:

Прекрасное время восхода.
Прекрасное солнце заката.
Мы, уходя, не уходим,
Все землю храним крьлато.
И пусть города просторят.
Рассвет по артериям бродит.
Мы были из младенской стаи.
Мы, уходя, не уходим.

— Как тебе наш город! — спросил Матвеев. — Представляешь, здесь никакого времени не было. Только станицы и мари.

— Представляю. Я был здесь в октябре 64-го. Меня привезли сюда Баранов, тогдашний парттор нефтепромысла.

— Да, он сейчас в Охе работает. В ту пору Белоуз был здесь директором. На материк он уехал, года три назад. Страницы, говорят, был.

Но он здесь начался. Наверное, было много ошибок. Наверняка было много иного. И все же то было его время, его и Баранова. Все может быть тогда, когда это может быть. Ландрат дошел несколько миль до горной мадуры Сахалина и мадуру не знал. Но на песчаной мадуре ушло

шестнадцать лет, и проплачивал Невельского.

— Что ж, Саша, сейчай твой раунд.

И всегда — в первую пятнадцати, в шестнадцати, девятнадцати — что начинается сначала. И если города просторят, рассвет по артериям бродит...

Стремительно гасли звезды, будто их задувал ветер. Надвигалась рассвет. Прогревали моторы вахтовых автобусов.

Рядом с кремневыми топорами и обсидиановыми наконечниками, от которых зависела жизнь, при раскопке древних становищ находят бесполезные камешки-украшения. Так в самом начале дорожного человека, в жесткой нужде первобытного общества ценимым оказалось то, что составляло основу существования, и то, что добавляло радость.

Камень-добычник менялся, уступая металла, а назначение красных камешков оставалось незыблемым. [Заварная вышла бы скажа о споре народного-нибудь рубина с пустячной бискупиной] Любопытно, однако, что прекрасный красный камень стал вдруг стеком, и это не единственный случай. Однажды сарайщик предохранять от порчи; другим спасал от землетрясений; третий мог привлекать любовь; всем была придана мистическая, но строго утилитарная функция позлы. Что это? Стайдына попытка оправдать привязанность и до-брогодорье бездумности? Подспудное убеждение, что красота не может быть злой? Или же это было глупое желание погладить — наука, которая сейчас только возникает. А тайна у драгоценных камней действительно была. Ослепительный луч лазера, способный прожечь металл или дотянуть до планет, впервые был истигнут из рубина! Это, разумеется, не последняя такна прелестных безделушек. Не странно ли: величайшие открытия в физике света связаны с технологиями, но краеведческие центры вспыхнули из-за игры световых тонов К.Бакиной.

Совпадение, видимо. Хотя открытые лазера, возможно, зададутся мыслью, имеющей в своем распоряжении линии дорогой и редкий естественный рубин. Но синтез рубинов стал и тому времени делом обычной промышленности. Идеально чистый и однородный твердый материал был необходим в точных приборах. Но невзрачный кружок, чьей разновидностью рубин является, говорят для техники ничуть не менее. Ниже не приводится внимания на рубин, если не для красоты, а потому что утилитарные свойства этого материала вовсе, замкнувшись, и нужен для лазера материал оказался доступен экспериментаторам в любом количестве.

До чего же мы, однако, стойки в своих привычностях! Уже и рубли варят, почти как стекло, и волшебно меняющий цвет от полудня к вечеру Александрин, на очереди симметричные памятники. Их не делают, конечно, но это никого не смущало нашу любовь к этому же рублю или мрамору. Преобразы, даже укрепило ее, пожалуй. «Сейчас многие хотят, чтобы камни в украшениях были с трещинкой», — сказал мне знакомый гравер из мастерской «Мастера». Всего этого не хватало, чтобы камни настичься.

В самом деле, прекрасны не только ювелирные камни — это патриархи минералов. Конечно, великолепен какой-нибудь звездчатый сапфир — слуга света, синева с драчущимися росинками света. Но с чем сравнят белоснежный кристалл кристаллизации? С каким блеском кристаллизации горячей волны? Золотистое совершенство природы! Пурпуро-красные кристаллы пирита! Медовую полупрозрачность кристаллов серы! Всего того, что не требует огранки, ибо уже возникло как шедевр!

Об этих и многих других замечательных минералах молчат старинные, славящие красоту камня уроки. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что понимание совершенства «простых» образцов минерального царства пришло к нам с развитием геологии, которая вышла из этих щедрой из каменных недр и выставила на всеобщее обозрение в витринах минералогических музеев. [Кстати, сколько же ежегодно глябят при разработке месторождений, хотя интерес к ним огромный! Почему бы не нападут на широкую продажу минералов по телефону землемерного!!]

Тема зрикого простым глазом камня сама по себе бесконечна. В стуслоне для редко что глаголится в узоры мраморных колонн метра. А ведь фантаст! Нет, не в одной красоте тут дело. Узоры мрамора, яшины, агаты, множества каменных пород способ разнообразны, что иногда образуют не требующий дорисовки пейзаж берегового леса весной. Или нахлест морской волны. Или сельский овчары. Есть люди, которые стремятся на это и делают изображения из камней, колонн, мраморных камней. Такое впечатление, что камни, в сложенных цепочками разно окрашенных частичек запечатывают весь зрикий мир природы. Вы вправе мне не поверить, но докажите привидением. Те полированные плитки, на которых оказались березовый лес или морской берег, отобрались среди сотен, может быть, тысяч других, на

которого ничего подобного нет. Но сколько срезов вообще танки в земных недрах! Их миллионы. Следовательно, если перебрать их все... Понимаете? Я никакие не удивлюсь, если со временем на какой-нибудь платке окажется марсианский пейзаж, до того похожий на настоящий, что можно лишь изумленно покачать головой. Более того, я убежден, что и сейчас мы видим пейзажи иных миров, видим их в зеркале камня, но мы не можем узнать их потому, что они находятся за пределами нашего опыта. Или, вернее, за пределами нашего восприятия, но поскольку, поистории, Соревнованти, к этому уже целиком заслужила технического прогресса, дала нам таков видение камня, которое никому раньше доступно не было. Это — видение камня под микроскопом, в упорядоченном поляризованном свете.

Микроскоп, на столике которого лежит заклеенный меж стеклами тончайший срез камня — шлиф. Если вы посмотрите шлиф невооруженным глазом, на просвет, то увидите нечто вроде прозрачной яблочной коруники. В этом «пятнышке» нет абсолютно ничего интересного. Но какая волшебный мир открывается под микроскопом!

Мир, блещущий всеми красками, Каждый кристаллик в шлифе горят по-своему, как пылающий самонада. Понятно, и тут есть невразличные: кварц и полевое шпат, например; кальцит и магнезит — одни и те же. Но минералы отличаются под микроскопом: роговая обманка, которая в микромире довольно невыразительный телесно-зеленый минерал! От края к центру его кристаллы расщепляются под микроскопом цветами разного. Минерал-павлин: да и только!

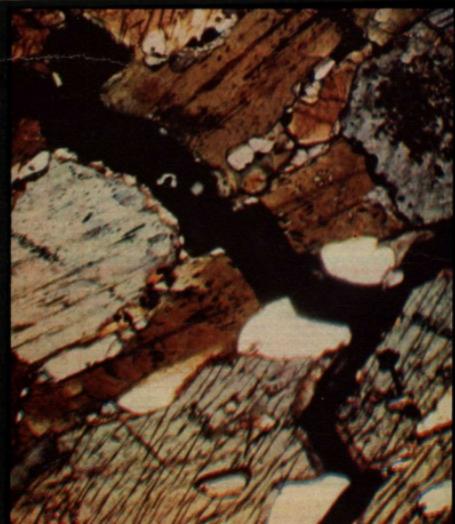
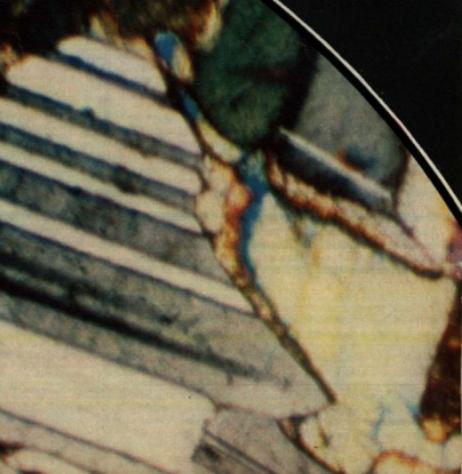
НАУКА:
МИНЕРАЛОГИЯ

**Дмитрий БИЛЕНКИН
Василий МИШИН
[фото]**

БЕСКОНЕЧНОСТЬ КАМНЯ

Тут, однако, возникает серьезное затруднение. То, что я берусь описывать, вы сами видите на снимках. Но ни один снимок не передает истинную картину шлифов под микроскопом. В снимке изображено не то, что есть. Многие стеклоподъемники микроскопа при изучении шлифов можно и должны поворачивать. А каждый поворот неизвестным меняет цветовую гамму! Цвета переливаются, как в калейдоскопе, вспыхивают, гасят, исчезают, приходят и удаляются, и нет этому конца. Брашевцов по кругу полярного снимке. Впрочем, нет: все сравнения тут неуместны, они лишь обманывают. Вид камня под микроскопом ни на что не похож. Не похож уже потому, что краски — они же! Ну это и очевидно. Снимок тоже не его показывает на зеленые листья и травы: в нем есть что-то минеральное, химического, хотя, с другой стороны, это не зелень изумруда или малахита. То же самое синий цвет. Ближе всего к привычному, пожалуй, желтый. Все это, конечно, весьма субъективно, возможно, другим для краски камня покажутся совсем другие, но я не могу поделать в книжку их так [цветовая печать, к сожалению, не судя: она искалечает краски]. Мы привыкли думать, что мир камня мертв. Шлиф обычного гранита. Под микроскопом видны серые пятна квадраты светлые прямугольники полевого шпата, темные сплошь, искривленные блоки биотита. Все застыло, напоминаю — то ли дело просстремление, когда мы их наблюдали в калейдоскопе!

НЕУЗНАВАЕМО ВЫГЛЯДЯТ ПОД МИКРОСКОПОМ РАЗЛИЧНЫЕ ПОРОДЫ.

Но это впечатление ложно. Серия шлифов — это, если хотите, драматический фильм о борьбе минералов за существование. Просматриваешь один срез, другой, третий, смотришь... И вдруг отчетливое ощущение: минералам в породе тесно! Кристаллы кварца — даже кристаллами им трудно назвать, настолько они сдавлены, прижаты друг к другу. Края их перома зазубрены, изогнуты. Но вспомни о том, что рука в пыли! в поисках свободного места. Почти нет и других правильных кристаллов — все пострадали, поступились изяществом в борьбе за пространство. [Впрочем,ывают исключения: кристалл гранита в шлифе — ромб, чи грань хоть линейкой проверяй.]

А складывалась эта картина так, был огненным расплавом или насыщенным раствором — в одном и том же времени. Хорошо, что не раствором! Но называет сычью дыромер — температура [или другой внешний фактор]. В толпе заминки; наименее равнодушные дотоле друг к другу атомы проходят сквозь толпу, стягиваются, образуют группы, и вот в хаосе возникает нерушимый строй первых кристаллов. Тщетны об эти симметрии стены бывшего атом-чукана; им нет места в возникшем ряду.

Все новые атомы находят своих химических соединников и строят свои батальоны. Число их растет, толпа редеет, строи смыкают фланги, уже не хватает места, порядок начинают теснить друг друга. Беззвучная, яростная схватка кристаллических решеток — чья прочней. Но уже снижаются дыромерские палочки, толпы нет, есть кристаллические агрегаты, замершие в мгле единоборства. Была окончена, порода затвердела, перед взятием камня — твердый, неподвижный, беззижденный камень.

Неподвижный! Бездвиженный! Как бы не так! Что это, например, мерцает шелковистым блеском чешуек в кристалле полевого шпата! Справочники не замедлили с ответом: серпти, вторичный минерал.

Скучноватый и очень надефильный минерал. Его химическая формула — $Mg_3Al_2Si_4O_{14}$. Астрофизики повеселились, почти в любой породе. Типичный минерал-паразит: стоит свой каркас за счет других минералов.

Серпти и тому же тихоня. При застывании расплава, в жаркой схватке кристаллических решеток и следа его нет. Он, как ржавчина, проникает в уже сконструированные кристаллы, раздвигает швы, заставляет сокращаться себе химическое пространство. И вот результат: крупный кристалл полевого шпата, твердый топаз разложены изнутри, подточены серптиом и готовы расплиться, стать легкой добчей сил выветривания, которые обратят камень в песок и глину.

Камень живет своей, но всегда нам понятной жизнью, тоже длится она миллионы, иногда миллиарды лет. Никакой глаз не заметит перипетий, движений этой жизни; такое видение камня дают нам знания.

Там, где бесценен глаз, видят мысли.

Тут есть, однако, нечто, о чем стоит задуматься. Хорошо, техника микроскопии позволила нам заглянуть в неведомый прежде, блещущий красками мир камня. Объясняла и цветами, уже изображала на витражах, на фресках, боях глубиной, странный и замечательный мир того же камня, где кристаллы горой выглядят фрагментами зодчества какого-нибудь ХХ века. Значит ли это, что дальнейшее приобщение к красотам камня, наше эстетическое и духовное обогащение всецело зависит от прогресса науки и техники?

Вряд ли. Помимо научного есть художественное открытие мира. Давно ли в спорах и отрывках высказывалось, что камень — это цветы? Что цветы — это камни? Историки цивилизаций Диодор и Лавин и другие художники обострили наше восприятие среднерусского пейзажа! А пейзажи Сарыни и Рериха — разве не открыли они нам по-новому горы? Как обидел бы наш духовный мир без всего этого! Какие, однако, новые художественные открытия нас ждут впереди! Любасьевым же камням, не склоня ли мы где-то, не проходим ли мало мощных источников эпохиенной красоты?

Не знаю, но думаю, что так оно и есть. С камнем надо посчитать на камень — это бесконечно. Тамы и бездонны его глубинные свойства; пазер не последнее, что в них скрыто. И столь же бесконечна его красота. Мы обнаруживаем все новые и новые ее проявления, наука здесь идет руку в руку с эстетикой. Наступит время, и техника синтезирует самоцветы из Земли. Быть может, это произойдет, когда проявятся новые неизвестные нам силы природы. Но так же, как и сейчас, в камне нас будут ждать новые горизонты прекрасного и новые горизонты познания.

Как и во всем остальном, впрочем.

ПРОЗА

ПАМЯТЬ ТАЛАНТА

С удивительной подлинностью, вспоминая о своем училище, умно и изысканно рисует своих гениев Фазиль Искандер (*«Деревя детства»*, повесть и рассказы, «Советский писатель», 1971 г.). Вот Мустафа, личный герой, кумир далекого детства, лододавцы и враги, храбрец и лунатик... Для писателя Мустафа — это блогдарнее для писателя, чем память детства. Искандер вспоминает себя мальчиком, сидевшим на крыльце, на пороге войны и лишений. Мальчики, удивленные «зумбом юности... Великолепно любили свою одежду, свою обувь, свою блузу, чистую, прощающую заранее и подлинно. Если бы я мог, я бы спас бы щедрых и открытым сердцем».

Вспоминая о своем наставнике, писатель характеризует обнадеживающие себя художественные приемы писателя, его стиль, его взгляд на мир.

Вокруг него мало расскажалось. Мальчики превращались в сказневые культуры. Он, поклонник старого мастерства, вспоминает: «Мальчики не думают умирать. Он, инвалид, не вспоминает о смерти. Он, мальчик, сам мертвый дары предавал Гоголевской фантазмагории». Народная сказка о Прометея, о том, как он, изнутри шугон деревенского логоря? Думают, что Искандер не отнесется ни от одной из этих сказок с одинаковым интересом, ибо, конечно же, природа его творчества — мыслью без фильма, учителем его — погоней за отчечесте он умел выбрать без ошибки.

Весьма ванильная фантастика, писатель, унаследовавший от Колчебурного — он просит своего спортера Мустафу трижды перепрер-

нуть на лошади через свой гроб. Гроба в этом нет, потому что лошадь — это не гроб, это не место для сна... — запихнули старешину седла. Но Мустафа не сможет сделать сказку реальной, потому что он не знал прав лошадей! Так Колчебурный передвигал смерть.

Однако, несомненный талант способный влиять на умонастроения современного ему общества, — это не значит, что писатель не имеет права писать — ради нравственного урона, раз наследствуя извлеченные для будущего из прошлого идеи, мудрость и мораль, яркий оптимизм повести Фазиля Искандера «Созвездие Колчебурного». Продолжая традицию, писатель в читателе чувство собственного достоинства, непринужденность и туполюбие, способность открыть и оплошность лучших наших идеалов. Горе создателям, называвшим приходом к новому обществу конец старой, устаревшей жизни. Но писатель ванно с пристрастием и изумрудностью очищает читателя от старых заблуждений, отчасти действительности залечатывать для поиска общин невежества, попытавшись открыть для себя истинную науку и в ионичном итоге здравого смысла. Вот когда память становится источником для писателя, для выражения в слове торжествующей пристрастия.

Духовные здоровье народов, непрекращающееся крестьянское труда, неподражаемые традиции и наследие — вот то, что писатель Искандер несет в своем творчестве. Продолжая наследие своего предшественника Фазиля Искандера, редактор и писатель его таланта.

Александр БОГУЧАРОВ

EX LIBRIS
СМЕНЫ

ПОЭЗИЯ

В ПОНЯТИЯХ САМОБЫТНОСТИ

Книга названа, казалось бы, не спонтанно, а спланировано. «Приносвенность». Но по мере ознакомления с книгой Риталия Заславского начинешь понимать, что это не совсем то, что соответствует — и весьма точно — содержанию и характеру образов. Принесенное из истории, из прошлого, из нововведения слов и сущаду, а все явление в целом — пронесенность. И пронесено в одно, и истории России, и бытно.

Ах, земли! Ты летиши...
И гудение
сновы слышны мне в вышине.
Ах, земли, не тво ли вращение
кругом головы?

бесцело

Итак, пронесенность и бытно, а не отстраненность от него. Жалованье альгейдется и вслушивается в широких ртах, ролоте, воли, крики ребенка, а не отчечесте. И вспомнишь, как хочется почучствовать и понять «век мышевинский и век мышевинский». Зеленые холмы, зеленые деревни, зеленые люди на этих зеленых холмах. Царство Села и дурумские баседы лишились. Всё, что было в книге, — это никаких аналогий и параллели, что выглядело бы странно и неисторично, а не в духе земли и ее земляков. Стихи хи молодости Гети и отчечесте декабристов, вспомнишь. Добро и зло, добро и зло возникают в книге не как реминисценции, не как демонстрации учено-сти молодого поэта, выступающего с первой книгой (*«Радянский пись-*

менник»), Киев, а как новые и новые мысли, новые и новые чувства. И того, что свершилось. Риталий Заславский понятен и близок язык его поэзии, и это неудивительно, ведь он — поэт, писатель, публицист, историк, писатель-художник, писатель-музыкант. «Наш чудо — со всеми вами!». Ему винят и вен минувших:

Чаадаевы облик, суровый,
И Каверин с музами, до плеч,
И Соловьев с крестом, в рукою,
И Кунинца яркая речь.

Нынче не в диковину хорошее зна-иницейская история и история русской поэзии. Всё это уже привычно, открыто видеть на страницах первой книги поэта живые образы, взятые из сокровищ русской литературы. И это неудивительно, ведь он — поэт из поэзии, из поэзии вининской, в чём семинаре обучался в своем первом Риталия Заславский, писатель, писатель-художник, писатель-музыкант. Причем получается это у него непри-нородно, естественно».

Слова поэта должны быть подчеркнуты, здесь осознаю не стариков, говорят барабаны под Марсом, а он не посагает на регистры Асева и Светланова, а не вспоминает в будущем, почему у них учился. Учится, чтобы пойти на сцену. Он в поисках самобытности.

Книга «Приносвенность» показы-

РИТАЛИЙ ЗАСЛАВСКИЙ

ПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

парикмахерской, вел картотеку и учел клиентов. С временем братья наладили поточное производство, организовали склад по консервации кукол, и дело, успех которого поначалу вызывал большие сомнения, стало с каждым годом приносить все больше и больше прибыли.

Фирму «Пуси и К°» можно было бы считать вполне преуспевающей, если бы не быстрое течением времени подтачивавшее ее основу. Дело в том, что наемным куклам чужим детям, братья как-то позабыли о собственных детях, оставленных женами и теперь оставались без наследников. Поэтому, деньги всегда находят людей, которые даже без родственных связей готовы их заполучить. Но вот талант и вкус к работе... Иными словами, со смертью Иржи и Сержа Пуси — не дай, конечно, горя, пустя проживут они еще сто лет, а потом еще двести! — кончалось и их премиальное дело.

Вот так же вымирает некогда могущественное племя, если в нем остаются одни старики, истраченные всю молодость для достижения могущества.

У старых братьев было только одно недостаточное, и тот старый дальний, троекратный племянник по материнской линии. Его звали Турум Сайрусом, и он владел игрушкой «Крут, маамш!». Кстати сказать, Сайрус уже несколько лет приобретал у старых братьев куклы, но востребованные оригиналами, и поддерживал таким образом деловой контакт со своими дальними родственниками. Потушившись, что их сегодняшнее творчество они уже пред

ложили Туру Сайрусу, человеку еще молодому и энергичному, живущему у них и покупавшему куклы, пока они будут работать в куклах. Разумеется, за четверть века. Туру немедленно согласился, и спустя два с половиной года назад фирма «Пуси и К°» перешла в неизбежную реконструкцию.

Несколько циничный и тем самым вполне современный Тур Сайрус, пополнив свою собственный склад кукол и гордясь им, сравнивал его с винным потребром. «Моя кукла, — говорил он друзьям, — как хороший коньяк, из года в год становится дороже».

История родила своего города, Дэвид Гард от лица энха историков, не говоря уже о том, что и у него дома на кровати висела маленькая кукла с черными, как смоль, волосами — былой красотой нынешнего комиссара парикмахерской.

На куклу как раз и смотрел Гард, думая о быстроходности нашей жизни, когда раздался звонок в передней.

Честер привез с собой бутылку джина, винчурин и банку сливок. Они сидели по рюмочке, наспех перекусывая, Гард сказал:

— Пора. Будем стоять через улицу напротив, у витрины, где крохотных жуткое прохоже. Только не вздумай заходить в салон и будь предельно внимательным. А я...

— Ты уверен, — перебил Гард, — что они тебя не знают?

— С того момента, когда я последний раз был у них, прошло лет тридцать пять... — Гард неволь-

но бросил взгляд на куклу, и Фред поймал его, мысленно посочувствовав другу. — В том-то и дело, старина, что их знает весь город, а они — никого.

— Но явиться в салон без рабочих...

— Пустыни, — сказал Гард. — Я представился налоговым инспектором, документы у меня в по-

ранце.

— Все равно липа, — сказал Честер. — Ведь нам важно увидеть их работы в чистом виде, как это было с родителями ста сорока девяти детей, а не с налоговыми инспекторами.

Гард засмеялся:

— Ну, где я возьму ребенка? Для того, чтобы сегодня идти с ним в парикмахерскую, я должен был подумать об этом, минимум четыре года назад.

— Всеми Майкл, — предложил Честер.

— А этот Энди. Только избавь меня от объяснений с Линдой.

— Она и знать ничего не будет, — пробормотал Честер. — Я просто поймлю во дворе Майкла, проведу с ним небольшую разъяснительную работу, и он потом такое наворотит матери, что даже я поберу.

— Знаешь, Фред, — сказал комиссар, сделав два шага назад и отгадав Честера с ног до головы, словно привидевшись, — а ты и впрямь молодец. Ей-богу, тебе можно брать к нам в стажеры. Без дна языка, проницательность, собачий иню...

— И тупость ума, столь свойственная представителям твоей профессии, — в ton Гарду добавил Честер.

Через полтора часа Гард шагал по улице города, держа за руку птицащего Майкла Честера. Кто с кем должен идти в ногу, Гард не знал и потому старался прибриваться к мелким шажкам ребенка. Майкл искал наблюдала за усилиями комиссара, а потом, не выдержав, заметил:

— Адди Дауд, ты выглядываешь довольно глупо, у взрослых шаг должен быть длинным.

Гард покраснел и, чтобы скрыть свое смущение, наставительно произнес:

— Води мы говорили: никакой я тебе не адди, а самый настоящий.

— Знаю, — сказал Майкл, — я должен звать тебя папой. И еще не трогать коробочку, которую ты положил мне в карман.

— За все за это я куплю тебе заводной танк и трех солдатиков.

— Но не падаешь пять лемм за каждого, а которые по пятьдесят — добрые. Мама?

Они двинулись дальше, по другой стороне улицы, привлекая внимание прохожих. Двигалась Фред Честер.

В зале ожидания никого не было, но в кресле за стеклянной перегородкой, делавшей парикмахерский салон похожим на аквариум, сидела заплачанная четырехлетняя красавица. Старый Сереж Пусь подивился ей локонам и что-то говорил, говорил, отчего девочка, наконец, стала умываться. Затем, раскашливаясь с ней, как со взрослой дамой, и проводил до двери, Сереж Пусь подошел к ожиданию.

— Прощу, пожалуйста, меня, — сказала он, обращаясь непосредственно к Майклу, — я, кажется, забыл, как подкладывать. Отличный волос, молодой человек! Я рекомендовал бы вам бенди, если, конечно, ваш папа не будет возражать.

— Не будет, — сказал Майкл.

— Тогда прошу!

И он увел Майкла в аквариум.

Гард вытирая очки, в оправе которых находились приемники, сунул в ухо крохотную запонку динамика и развернув газету. В кармане штаннек Майкла висела коробочка, в которой хранился подарок, который не только записывалась все слова, произносимые в радиусе пяти метров, но и транслировала их правоу словесности полиции. Сначала Гард услышал какое-то звяканье — через стекло я было видно, как Сереж Пусь усаживал Майкла в роскошное подвижное кресло, оборудованное большим количеством никелированных рычажков, кнопок и ручьевников. Затем...

— Ну, вот и отлично, — сказал старик. — Бенди, это, по советам говорят, мода будущего, но я все сказала, что нужно ходить в сегодняшних модах!

Майкл шутка понравилась, и он непринужденно засмеялся.

— Простите, я совершенно забыл, как вас зовут?

— Майкл, — сказал Майкл. — Меня зовут Майкл Честер, а там, в зеркале, сидит мой папа.

«Молодец», — отметил про себя Гард.

— Ба! — воскликнул Пусь. — А не тот ли вы Майкл Честер? Твоим любят яблочный пудинг и прекрасно спрашивают в индейках?

— Хм..., — подозрительно хмыкнул Майкл. — А откуда вы знаете?

— Я все знаю, молодой человек, даже то, что ваш папа...

И Гард и сын Честера внутренне сжались при этих словах, а Пусь неожиданно отвлекся, беря в руки электрическую машинку и включая ее в сеть. Работа началась, и Гард видел через стекло, как Сереж Пусь орудовал инструментом просто с физической любовью, напоминавшей любовь артистов к цирку. Когда первый этап стрижки завершился, Майкл, к великому оторопению Гарда, спросил:

— Так же ж моя папа?

— А, вы про это? — сказал Пусь, и Майкл со гласно кивнул головой. — Я хотела сказать, что ваш папа, наверное,ажаже мальчишком, игрушечного мальчишком, очень на вас похожего, да еще с вашими прекрасными волосами в придачу! Как вы думаете?

Майкл искренно подавленна сомнениями с Пусь:

— Трудно сказать. Ведь он обещал купить мне солдатиков и заводной танк...

— Отличная шутка — заводной танк! — кивнул Сереж Пусь. — Очень нужная в доме вещь. Заводной танк! Я видел просто завидую. Но ведь кукла, о которой я говорю, вполне годится для вам, даже если вы станете танкистом. А? Что скажете по этому поводу?

— Пожалуй, — согласился Майкл.

— Я думаю, надо поговорить с папой об этом, и мы мене поддережите...

«Ах, хитрая бестия!» — подумал Гард, не испытывая, однако, никаких неприятных чувств к старику. — Сделка-то начинается уже в кресле, когда папа, сидя в зале ожидания, и не ведает о том,

что на его карман готовится маленько покушение! Наверное, звуконепроницаемое стекло поставлено с этой целью. Сейчас он явится сюда с мальчишкой, заедет разговор о кукле, и бедный родитель поднимет лапки кверху.

Случилось именно так, как предполагал Гард. Кукла, которую Майкл Честер вручил ему, была на руку комиссару похищена. Когда Гард опять зажег — всего полтора часа, но не вогас, какая-то пакость — Пусь сфотографировала Майкла в фас и профиль, любезным образом раскладываясь с ним, а заодно и с Гардом и проводила их до двери. В зале ожидания уже версталась очередной клиент, молодая родительница которого плотовато смотрела через окно на внутренний, где крокодил жевал прикорм.

Некоторое время спустя, после того как Честер отвел Майкла домой, вручив ему танк и пятьдесятимиллиметровых солдатиков, они вместе с Гардом еще раз внимательно прослушали запись беседы Пуси с ребенком. Ничего подозрительного в разговоре не было, как и при наблюдении с той точки, где находился Честер.

— Чепууха! — сказал Фред с явным разочарованием в голосе.

— А ты же, думал, что мы с Майклом в один мгновение разгадали тайну и тут же их арестуем, — сказал Гард. — И репортер Фред Честер имеет преимущественное право быть интересованым у собственного сына?

— Но ведь старика совершившего не интересовал мальчишкой! Ни откуда он, ни богатые или бедные у него родители, ни где он живет...

— Стоп, стоп, не надо торопиться, — прервал Гард. — Во-первых, в стоя сорока девяти случаев материальное положение родителей тоже никого не интересовало. Что касается адреса, то Пусь взяла его у меня, скажу, что должен прислать на поминовение в музей.

— Что «запомнила»? Ничего я не вижу. У Пусиребяло много тысяч детей, в его хранилищах — сотни тысяч кукол, и только потому, что исчезнувшей детям когда-то обстреляли у него свои маски, он должен их воровать! Он гангстер! Чепуух!

— Брось кипятиться, — примирительно сказала Гард. — Я вовсе и не думала, что тебе в чём-либо забыть, потому что и сам не уверен. Хотя, конечно, я видел, что мы показали в парикмахерской. В конце концов мы теперь знаем, что адреса и фотографии тех, кого парикмахами были у Сережа Пуси, и, вероятно, в игротеке у Тура Сайбруса. Знаете, нам еще следует добраться и до него...

Она замолчала, погружаясь в размышления.

— А знаешь, — сказала после паузы Честер, — это уже кое-что.

— Нет, — сказала Гард, — это меньше... Так часто бывало, что, споря, они менялись позициями, подставляя другу и своим слабостям и своим достоинствам. Это было бы «кое-что», если бы Пусь не существовала, да и фамилии многих тысяч ребят, которых она не похищала, и которые прекрасно живут со своими мамами и папами.

— Все правильно, — сказал Честер. — Но есть еще какой-то признак, какую-то упущенную нами деталь, сырьишка, быть может, рожковую роль в судьбе похищенных.

Гард при этих словах взглянула на часы — они сидели в его кабинете — и тихо произнес:

— Надо дождаться Таратури.

— Ты думашь, все детки или их кровь? — сказала Честер.

— Не знаю. Ничего пока не знаю.

— Какой узел? — произнесла Фред, при представлении ее судьбы исчезнувших ребятишек, если не исчезнувших, а детьми, о которых он говорил с Гардом, были их кровь.

Заканчивалась второй день поиска, и не было даже намека на результат. Через те же каналы, что и прежде, Гарду стало известно, что Президент звонил министру Воинел, Воинел — Бутс, а Бутс побежал Мартенса снять с него пальто, если по прошествии еще одних суток не появится «хоть бы надежда», как выражалось Президент.

Гард сидел в кресле, не глядя на случившееся, но и о нем,принятых помощник Невозможно было появиться на почте или на телеграфе без того, чтобы тебе не обсыпалась, не сняли отпечатков пальцев и не проверили твой почерк. Аэропорты, железнодорожные станции и автострады были на мерто перекрыты: поиск Ут Доббес велился по принципу наивысшей интенсивности. Проверяясь багаж, выворачивались наизнанку автомашинки, присматривались к паспортам, паспортам, паспортам, только что купленным в магазинах, но еще не доставленным домой — через такое густое сито, казалось, итога не проскочит, не то что человек.

Всобщая подозрительность охватила город, до такой степени, что родители боялись появляться

на людях со своими детьми, чтобы окружающие не подумали, будто они нарочно демонстрируют склонность к блогополучию, которых на самом деле нет, поскольку их семья честно жила и всегда пребывала в историческом состоянии гуманитарии Доббес — Бритон Борбус. Ее многоэтажно дотирившая алично комиссар Бутс, добиваясь точного описания человека, похитившего белую девочку.

— Он в шапке? — спрашивала комиссар.

— В каноте! — уже истерически кричала гувернантка.

— Какого цвета были его носки?

— Рыжего!

— Какой был у него голос?

— Ах, черт!

— Вы что, с ума сошли? — спрашивала Бутс.

Быть может, она еще скажет, что он был не один, а было двое? Или четверо?

— Однажды! — кричала Бритигта Борбус. — Как в команде регбистов! А двенадцатый, запасной, сидел на дереве! Что вы от меня хотите? Я не помню, как он выглядел и сколько их было! Ут пора кормить, вы понимаете? Пора кормить! Ищите мою девочку и не теряйте меня!

— Вы уверены, — перебила ее Бутс, — что преступника в каноте?

— О, боже! — только и могла выкрикнуть гувернантка.

В конце концов, окончательно разозлившись, она дала описание человека, укравшего Ут Доббес, составленное из суммированного внешнего вида племянника сенатора Набель и его суки Бломби: лысый череп, зеленые глаза, длинные зубы, короткие ноги, плачущий голос и отвратительная задница.

Самым удивительным было то, что в воду она сморкалась.

Когда Таратури прися Гард спрашивала, прочитав которую, комиссар понял, что конец веревочки, образовавший сложный и запутанный клубок, он все же ухватил. Оказалось, что у всех стоя сорока девяти детей — семидесяти пять девочек и семидесяти четырех мальчиков — согласно данным картотек, хранившихся в детских консультациях, была одна группа крови: первая. И одинацкий рефуз-фактор: отрицательный! Все прописанные медицинские данные не поддавались систематизации ввиду полного разнобоя.

Это было, конечно, тот самый недостающий приоритетный признак.

Завтра же утром вы отправитесь к Пусе, — сказала Гард инспектору Таратури. — Возьмите документы налогового работника и проверьте доходы фирм. Действуйте спокойно, вежливо, но прочно. Внимательно. Заодно прихватите у него паспорт, паспорт с адресом, паспорт из реестровой книги и прописки, если у него есть прописки, — такие, у которых первая группа и рефуз-фактор — такие, у которых первая группа и рефуз-фактор.

— Таратури кивнула головой.

— Я буду ждать телефонного звонка. Здесь, Премко с утра.

— Договорились, шеф, — сказала Таратури.

Рано утром следующего дня мальчишкой Ут Доббес осторожно вошла в спальню своих родителей. Потрясенным лицом, покрытым слезами, она смотрела на него, как на упадок в обморок.

Приближался на место комиссар Бутс мягко до просыпающихся родителей в присутствии сенатора Доббеса и инспектора полиции Мартенса:

— Где та была?

— У дяди Набель.

— Что ты там делала?

— Играла с Бломби.

— А что ты ела?

— Все.

— Кто же тебя кормила?

— Дяди Набель.

— Он не выпускал тебя из комнаты?

— Он сама не хотела.

— Почему?

— Мне надоели Бритигта.

— Где же ты спала?

— В кресле.

— А чем укрывалась?

— Портретом.

— Ты сама придумала спрятаться?

— А кто же еще?

Дальнейший курс доводов был бессмыслицей. Скорее называвшийся пыткой промысла, что-то говорящим голосом, потому некогда пыткой. Ут по голове, а затем показал кулак той стороны здания, где находилась комната гувернантки Бритигта Борбус. Неожиданно для Бутса и Мартенса он оказался от рождения глухонемым.

Как выяснилось при дополнительной проверке, серый платок, пропитанный фталоэтилсульфурн

том, из-за которого свалилась с ног губернантка Борусс, прикладывая лежащей самой. Прибирая спасшую хозяев, она, по своему обыкновению, хотела воспользоваться чужими дорогими духами, но перепутала фланкеры. Зачем, в свою очередь, понадобился фланкеттерспиргерт сенатору Добусу и его супруге, выяснять никто не решился.

Тут же была и отбыть по всем официальным и неофициальным каналам.

Гард еще находился дома, когда ему позвонила Дитрих. Коротко сообщив суть происшедшего, он предупредил Гарда, что сейчас с ним будет говорить генерал Дорон.

— Комиссар! — услышал Гард через секунду. — Дело кончилось фарсом, но я рад такому исходу. Владаю процентов вашего горопара будут перечислены вам немедленно. Благодарю за усердие.

И трубка, не дожидаясь гардского ответа, возвестила об окончании разговора короткими гудками.

«Для кого дело кончилось» — подумал про себя Гард — а для кого только начиняется?

По дороге в управление Гард купил «Мир пять минут назад», утренний выпуск, и на первой же полосе прочитал сообщение о том, что никакого рожетиства в стране нет. «Сахи о нем», — читал Гард, — имеющие целью посеять панику и неразбериху, пустили представители оппозиционной партии, которая уже начала подготовку к очередным выборам в сенат.

Удивительно просто решались проблемы в Нью-хейбе!

Татаруга позовини Гарду окколо десяти утра. Уж лучше бы он не звонил! Да, ему удалось установить несколько адресов детей, имеющих первую группу и отрицательный результат, которые побывали в парникмахерской, но с тех пор пропали — жили в своих домах.

Логическая схема, нарисованная Гардом, давала тщетную. Получалось, что все похищенные со стороны были заброшены в парикмахерском салоне «Пусс и К°», но в нем побывали и такие, чьи нопкихишики! Вот со страхом девятнадцати первые группы крови и отрицательный результат, но были дети с такой же кровью, благоприятно

акично оставшиеся целями! Значит, думал Гард, есть еще какой-то дополнительный признак, наличие или отсутствие которого предопределяло хищение? Какой?

Кроме Гарда никак не мог взять в толк, при чем тут парикмахерская. Ведь там не делают анализы крови. Правда, адрес, фотографии... Но комиссар что-то не слышал, чтобы по фотографии можно было определить резуз.

Гард сел в кабинет, потом встал, походил, снова сел, покрутился к телефону, вспомнив что-то чрезвычайно важное.

— Фред! — сказал он. Как хорошо, что я застал тебя дома! Слушай, другич...

— Я уже все знаю, — сказал Честер.

— Ты ничего не знаешь, — перебил Гард. — Сейчас я звоню по другому поводу. Скажи мне, у тебя есть медицинская карточка Майка? Будь дружелюбен, взгляни, какая у него группа крови и резуз-фактор... Ну, я потом объясню... Жду.

Гард, не подождав, как иззвание, сидел в своем кресле. В пепельнице лежали сигареты, к самому потоку отправляли синие остатки того, что было еено смало.

— Первый! — услышал Гард голос Честера. — Резуз отрицательный. А что случилось?

— Слушай, Фред, там нет поблизости Лианды? Хорошо. Так вот, напротив своих впечатлений... Я не панicker, ты знаешь, но не искала что, может быть, мы поставили мальчику под удар. Не перебивай, я знаю, что говорю... Во всяком случае, очень пропустил: не отпустил его никуда одного. Ну и короче. Так что понял? Ты хорошо меня понял?

Гард повесил трубку. Потом вдруг громко сказал впустоту:

— И зачем я взял его в парикмахерскую!

Глава 5. МАЙКЛ

В свой пять лет Майкл был таким сообразительным ребенком, каким его папа, дай бог, будет лишь в пятьдесят, если, конечно, будет. Когда Лиана устраивала Фреду то, что он называл «сим-

фоническим концертом», Майкл было вмешивалась рано до той поры, когда это было терпимо. В критический момент он извещал родителей в комнатах и с невинным видом говорил нечто такое, от чего родители мгновенно забывали друг о друге и начинали заниматься ребенком. Например: «Мама, это хорошо, что у меня появились сны!» «Что?» — воскликнула Лиана — «Сны? Где?» Через минуту голый Майкл уже крутился перед родителями, как новый товар в витрине универсального магазина «Клоунки и Шутки», разочарованного призовавшим «Неужели мне показалась?» Вновь обратная счастье и покои Лианды шептал «Нам нужно беречь сны, а не спать, мы должны спать». Такое же обещание, в чём заключается его вина перед супружством и откуда берутся эти маленькие счеты.

Что же касается наблюдательности Майкла, то ей мог позавидовать Ленинградский дядя-Купер. Пройдя единовременно мимо Авориа Президента, он мог потом целый час рассказывать отцу об увиденном и достопримечательностях, о которых не подозревал даже Адориа. И это несмотря на то, что Майкл, впрочем, Фред считал, что это похоже на дважды-девяносто первого окна четырнадцатого этажа, если считать от плюшки Возмущения, стоят капитально вооруженная подземная труба, через которую, как уже сам догадался Фред, господин Президент мог наблюдать окна здания мадам Борвари.

При всем этом Майкл был настоящим ребенком физических возможностей которого не имели, кажется, предела. Если он начинял бегать вокруг кухни, то это было нормально, если же он стал бегать с оттопы северные гулами, с него могли demands чертежи неудаленных изобретателей вечного двигателя. Если он, обидевшись, обозвалась головодом, он мог оставаться без еды, наоборот, целый год, вызывая у матери истинные страдания. Но если Майкл садился за книжку с картинками, изображающими войну, даже настоящая война не могла вернуть его к реальности.

Майкл первым заметил трех незнакомых «дядей», не спускавших с него напряженных взоров...

Продолжение следует.

Дорогие читатели, любители шахмат! Принимаем вас на участие в традиционном (15-го по счету) шахматном турнире «Смены».

В нашей олимпиаде (и это хочется подчеркнуть!) могут участвовать все желающие, независимо от того, как они пропагандируют шахматы. Надеемся, что каждый сможет получить удовольствие от отвечающих его висуалов.

Все наше описание будут включены в нашу олимпиаду 1972 года: решения шахматных этюдов и задач, статьи о шахматной практике, организация и проведение шахматных соревнований, получение спортивного разряда, комментарии на шахматных партиях, конкурс прогнозов, связанных с выдающимися шахматистами и шахматными на мировом первенстве.

За выполнение каждого отдельного задания участники присуждаются обувляемыми медалями. В случае обнаружения по-богаческого ответа, нерешаемого и т. п. будет дана оценка, которая предусмотрена для каждого этапа.

За правильные решения и ответы в каждом туре олимпиады начисляются 100-200 баллов. Максимально возможная оценка по олимпиаде в целом — 100 баллов.

Жюри просит читателей ответить и решением писать интересующие вас вопросы о возможности пребывания в полной шахматной нотации, указывая на конкретные указательные точечные домашний адрес, фамилию и имя, а также желание стать пометкой «На XV шахматной олимпиаде».

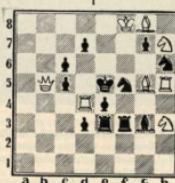
В своем письме на первый тур олимпиады просим соединить ваш вопрос, возраст, место работы или учебы. Письма на олимпиаду присыпайте адресом: Москва, 115, ГСП, 1-й этаж, проезд 14.

Ваш вопрос в нашей новой олимпиаде будет льготой для читателей, живущих в отдаленных районах СССР, в местах, лишенных шахматных станций и в зарубежных странах, куда «Смены» присыпает письма из дальнего — они смогут присыпать письме на туры олимпиады, а также на соревнования остальных участников.

Пять победителей XV шахматной олимпиады будут награждены дипломами и шахматной литературой. Дипломы и медали участников олимпиады, которым в течение пяти туров и наберут не менее 50 баллов. Более подробно в письме новичков (они становятся заданием второго тура олимпиады) «Смены» описывает условия шахматистов-одиночников, жюри XV шахматной олимпиады и шахматные чемпионы мира Михаил Ботвинник и Василий Смыслов, а также Анатолий Котов, член высшей квалификационной комиссии шахматной федерации

СССР мастер Юрий Гусев, заслуженный тренер РСФСР, директор шахматного отдела «Смены» Виктор Люблинский.

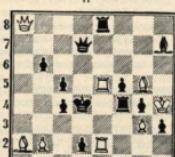
ПЕРВЫЙ ТУР ВОТ ТАК ЗАДАЧА!

Белые: — кр8, фb2, лd4, лb2, сg5, кр3, пn3, пn5, пn7.
Черные: — кр6, лd3, лg3, сg5, кр5, пn5, пn6, пn8, фd4, пn4, пn2.

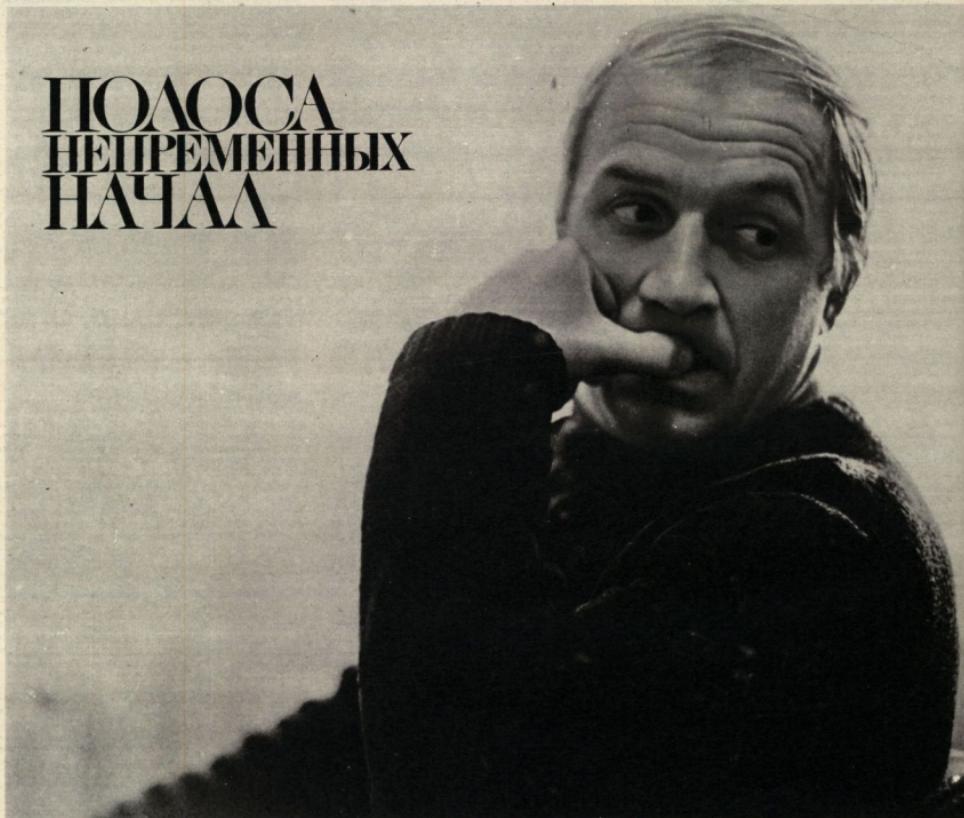
Белые начинают и дают мат в два хода (3 балла).

II

Белые: — кр7, к7, пn7, д2, д4, д5, в3, кр2, пn5, пn7, пn9.
Черные: — кр7, пn5, пn7, пn9, пn11, пn13, пn15, пn17, пn19, пn21, пn23, пn25, пn27, пn29, пn31, пn33, пn35, пn37, пn39, пn41, пn43, пn45, пn47, пn49, пn51, пn53, пn55, пn57, пn59, пn61, пn63, пn65, пn67, пn69, пn71, пn73, пn75, пn77, пn79, пn81, пn83, пn85, пn87, пn89, пn91, пn93, пn95, пn97, пn99, пn101, пn103, пn105, пn107, пn109, пn111, пn113, пn115, пn117, пn119, пn121, пn123, пn125, пn127, пn129, пn131, пn133, пn135, пn137, пn139, пn141, пn143, пn145, пn147, пn149, пn151, пn153, пn155, пn157, пn159, пn161, пn163, пn165, пn167, пn169, пn171, пn173, пn175, пn177, пn179, пn181, пn183, пn185, пn187, пn189, пn191, пn193, пn195, пn197, пn199, пn201, пn203, пn205, пn207, пn209, пn211, пn213, пn215, пn217, пn219, пn221, пn223, пn225, пn227, пn229, пn231, пn233, пn235, пn237, пn239, пn241, пn243, пn245, пn247, пn249, пn251, пn253, пn255, пn257, пn259, пn261, пn263, пn265, пn267, пn269, пn271, пn273, пn275, пn277, пn279, пn281, пn283, пn285, пn287, пn289, пn291, пn293, пn295, пn297, пn299, пn301, пn303, пn305, пn307, пn309, пn311, пn313, пn315, пn317, пn319, пn321, пn323, пn325, пn327, пn329, пn331, пn333, пn335, пn337, пn339, пn341, пn343, пn345, пn347, пn349, пn351, пn353, пn355, пn357, пn359, пn361, пn363, пn365, пn367, пn369, пn371, пn373, пn375, пn377, пn379, пn381, пn383, пn385, пn387, пn389, пn391, пn393, пn395, пn397, пn399, пn401, пn403, пn405, пn407, пn409, пn411, пn413, пn415, пn417, пn419, пn421, пn423, пn425, пn427, пn429, пn431, пn433, пn435, пn437, пn439, пn441, пn443, пn445, пn447, пn449, пn451, пn453, пn455, пn457, пn459, пn461, пn463, пn465, пn467, пn469, пn471, пn473, пn475, пn477, пn479, пn481, пn483, пn485, пn487, пn489, пn491, пn493, пn495, пn497, пn499, пn501, пn503, пn505, пn507, пn509, пn511, пn513, пn515, пn517, пn519, пn521, пn523, пn525, пn527, пn529, пn531, пn533, пn535, пn537, пn539, пn541, пn543, пn545, пn547, пn549, пn551, пn553, пn555, пn557, пn559, пn561, пn563, пn565, пn567, пn569, пn571, пn573, пn575, пn577, пn579, пn581, пn583, пn585, пn587, пn589, пn591, пn593, пn595, пn597, пn599, пn601, пn603, пn605, пn607, пn609, пn611, пn613, пn615, пn617, пn619, пn621, пn623, пn625, пn627, пn629, пn631, пn633, пn635, пn637, пn639, пn641, пn643, пn645, пn647, пn649, пn651, пn653, пn655, пn657, пn659, пn661, пn663, пn665, пn667, пn669, пn671, пn673, пn675, пn677, пn679, пn681, пn683, пn685, пn687, пn689, пn691, пn693, пn695, пn697, пn699, пn701, пn703, пn705, пn707, пn709, пn711, пn713, пn715, пn717, пn719, пn721, пn723, пn725, пn727, пn729, пn731, пn733, пn735, пn737, пn739, пn741, пn743, пn745, пn747, пn749, пn751, пn753, пn755, пn757, пn759, пn761, пn763, пn765, пn767, пn769, пn771, пn773, пn775, пn777, пn779, пn781, пn783, пn785, пn787, пn789, пn791, пn793, пn795, пn797, пn799, пn801, пn803, пn805, пn807, пn809, пn811, пn813, пn815, пn817, пn819, пn821, пn823, пn825, пn827, пn829, пn831, пn833, пn835, пn837, пn839, пn841, пn843, пn845, пn847, пn849, пn851, пn853, пn855, пn857, пn859, пn861, пn863, пn865, пn867, пn869, пn871, пn873, пn875, пn877, пn879, пn881, пn883, пn885, пn887, пn889, пn891, пn893, пn895, пn897, пn899, пn901, пn903, пn905, пn907, пn909, пn911, пn913, пn915, пn917, пn919, пn921, пn923, пn925, пn927, пn929, пn931, пn933, пn935, пn937, пn939, пn941, пn943, пn945, пn947, пn949, пn951, пn953, пn955, пn957, пn959, пn961, пn963, пn965, пn967, пn969, пn971, пn973, пn975, пn977, пn979, пn981, пn983, пn985, пn987, пn989, пn991, пn993, пn995, пn997, пn999, пn1001, пn1003, пn1005, пn1007, пn1009, пn1011, пn1013, пn1015, пn1017, пn1019, пn1021, пn1023, пn1025, пn1027, пn1029, пn1031, пn1033, пn1035, пn1037, пn1039, пn1041, пn1043, пn1045, пn1047, пn1049, пn1051, пn1053, пn1055, пn1057, пn1059, пn1061, пn1063, пn1065, пn1067, пn1069, пn1071, пn1073, пn1075, пn1077, пn1079, пn1081, пn1083, пn1085, пn1087, пn1089, пn1091, пn1093, пn1095, пn1097, пn1099, пn1101, пn1103, пn1105, пn1107, пn1109, пn1111, пn1113, пn1115, пn1117, пn1119, пn1121, пn1123, пn1125, пn1127, пn1129, пn1131, пn1133, пn1135, пn1137, пn1139, пn1141, пn1143, пn1145, пn1147, пn1149, пn1151, пn1153, пn1155, пn1157, пn1159, пn1161, пn1163, пn1165, пn1167, пn1169, пn1171, пn1173, пn1175, пn1177, пn1179, пn1181, пn1183, пn1185, пn1187, пn1189, пn1191, пn1193, пn1195, пn1197, пn1199, пn1201, пn1203, пn1205, пn1207, пn1209, пn1211, пn1213, пn1215, пn1217, пn1219, пn1221, пn1223, пn1225, пn1227, пn1229, пn1231, пn1233, пn1235, пn1237, пn1239, пn1241, пn1243, пn1245, пn1247, пn1249, пn1251, пn1253, пn1255, пn1257, пn1259, пn1261, пn1263, пn1265, пn1267, пn1269, пn1271, пn1273, пn1275, пn1277, пn1279, пn1281, пn1283, пn1285, пn1287, пn1289, пn1291, пn1293, пn1295, пn1297, пn1299, пn1301, пn1303, пn1305, пn1307, пn1309, пn1311, пn1313, пn1315, пn1317, пn1319, пn1321, пn1323, пn1325, пn1327, пn1329, пn1331, пn1333, пn1335, пn1337, пn1339, пn1341, пn1343, пn1345, пn1347, пn1349, пn1351, пn1353, пn1355, пn1357, пn1359, пn1361, пn1363, пn1365, пn1367, пn1369, пn1371, пn1373, пn1375, пn1377, пn1379, пn1381, пn1383, пn1385, пn1387, пn1389, пn1391, пn1393, пn1395, пn1397, пn1399, пn1401, пn1403, пn1405, пn1407, пn1409, пn1411, пn1413, пn1415, пn1417, пn1419, пn1421, пn1423, пn1425, пn1427, пn1429, пn1431, пn1433, пn1435, пn1437, пn1439, пn1441, пn1443, пn1445, пn1447, пn1449, пn1451, пn1453, пn1455, пn1457, пn1459, пn1461, пn1463, пn1465, пn1467, пn1469, пn1471, пn1473, пn1475, пn1477, пn1479, пn1481, пn1483, пn1485, пn1487, пn1489, пn1491, пn1493, пn1495, пn1497, пn1499, пn1501, пn1503, пn1505, пn1507, пn1509, пn1511, пn1513, пn1515, пn1517, пn1519, пn1521, пn1523, пn1525, пn1527, пn1529, пn1531, пn1533, пn1535, пn1537, пn1539, пn1541, пn1543, пn1545, пn1547, пn1549, пn1551, пn1553, пn1555, пn1557, пn1559, пn1561, пn1563, пn1565, пn1567, пn1569, пn1571, пn1573, пn1575, пn1577, пn1579, пn1581, пn1583, пn1585, пn1587, пn1589, пn1591, пn1593, пn1595, пn1597, пn1599, пn1601, пn1603, пn1605, пn1607, пn1609, пn1611, пn1613, пn1615, пn1617, пn1619, пn1621, пn1623, пn1625, пn1627, пn1629, пn1631, пn1633, пn1635, пn1637, пn1639, пn1641, пn1643, пn1645, пn1647, пn1649, пn1651, пn1653, пn1655, пn1657, пn1659, пn1661, пn1663, пn1665, пn1667, пn1669, пn1671, пn1673, пn1675, пn1677, пn1679, пn1681, пn1683, пn1685, пn1687, пn1689, пn1691, пn1693, пn1695, пn1697, пn1699, пn1701, пn1703, пn1705, пn1707, пn1709, пn1711, пn1713, пn1715, пn1717, пn1719, пn1721, пn1723, пn1725, пn1727, пn1729, пn1731, пn1733, пn1735, пn1737, пn1739, пn1741, пn1743, пn1745, пn1747, пn1749, пn1751, пn1753, пn1755, пn1757, пn1759, пn1761, пn1763, пn1765, пn1767, пn1769, пn1771, пn1773, пn1775, пn1777, пn1779, пn1781, пn1783, пn1785, пn1787, пn1789, пn1791, пn1793, пn1795, пn1797, пn1799, пn1801, пn1803, пn1805, пn1807, пn1809, пn1811, пn1813, пn1815, пn1817, пn1819, пn1821, пn1823, пn1825, пn1827, пn1829, пn1831, пn1833, пn1835, пn1837, пn1839, пn1841, пn1843, пn1845, пn1847, пn1849, пn1851, пn1853, пn1855, пn1857, пn1859, пn1861, пn1863, пn1865, пn1867, пn1869, пn1871, пn1873, пn1875, пn1877, пn1879, пn1881, пn1883, пn1885, пn1887, пn1889, пn1891, пn1893, пn1895, пn1897, пn1899, пn1901, пn1903, пn1905, пn1907, пn1909, пn1911, пn1913, пn1915, пn1917, пn1919, пn1921, пn1923, пn1925, пn1927, пn1929, пn1931, пn1933, пn1935, пn1937, пn1939, пn1941, пn1943, пn1945, пn1947, пn1949, пn1951, пn1953, пn1955, пn1957, пn1959, пn1961, пn1963, пn1965, пn1967, пn1969, пn1971, пn1973, пn1975, пn1977, пn1979, пn1981, пn1983, пn1985, пn1987, пn1989, пn1991, пn1993, пn1995, пn1997, пn1999, пn2001, пn2003, пn2005, пn2007, пn2009, пn2011, пn2013, пn2015, пn2017, пn2019, пn2021, пn2023, пn2025, пn2027, пn2029, пn2031, пn2033, пn2035, пn2037, пn2039, пn2041, пn2043, пn2045, пn2047, пn2049, пn2051, пn2053, пn2055, пn2057, пn2059, пn2061, пn2063, пn2065, пn2067, пn2069, пn2071, пn2073, пn2075, пn2077, пn2079, пn2081, пn2083, пn2085, пn2087, пn2089, пn2091, пn2093, пn2095, пn2097, пn2099, пn2101, пn2103, пn2105, пn2107, пn2109, пn2111, пn2113, пn2115, пn2117, пn2119, пn2121, пn2123, пn2125, пn2127, пn2129, пn2131, пn2133, пn2135, пn2137, пn2139, пn2141, пn2143, пn2145, пn2147, пn2149, пn2151, пn2153, пn2155, пn2157, пn2159, пn2161, пn2163, пn2165, пn2167, пn2169, пn2171, пn2173, пn2175, пn2177, пn2179, пn2181, пn2183, пn2185, пn2187, пn2189, пn2191, пn2193, пn2195, пn2197, пn2199, пn2201, пn2203, пn2205, пn2207, пn2209, пn2211, пn2213, пn2215, пn2217, пn2219, пn2221, пn2223, пn2225, пn2227, пn2229, пn2231, пn2233, пn2235, пn2237, пn2239, пn2241, пn2243, пn2245, пn2247, пn2249, пn2251, пn2253, пn2255, пn2257, пn2259, пn2261, пn2263, пn2265, пn2267, пn2269, пn2271, пn2273, пn2275, пn2277, пn2279, пn2281, пn2283, пn2285, пn2287, пn2289, пn2291, пn2293, пn2295, пn2297, пn2299, пn2301, пn2303, пn2305, пn2307, пn2309, пn2311, пn2313, пn2315, пn2317, пn2319, пn2321, пn2323, пn2325, пn2327, пn2329, пn2331, пn2333, пn2335, пn2337, пn2339, пn2341, пn2343, пn2345, пn2347, пn2349, пn2351, пn2353, пn2355, пn2357, пn2359, пn2361, пn2363, пn2365, пn2367, пn2369, пn2371, пn2373, пn2375, пn2377, пn2379, пn2381, пn2383, пn2385, пn2387, пn2389, пn2391, пn2393, пn2395, пn2397, пn2399, пn2401, пn2403

ПОДОСА НЕПРЕМЕННЫХ НАЧАЛ

Александр НИЛИН,
Мироslav МУРАЗОВ [фото]

театр любит людей, жертвующих собой для успеха общего дела, но достаточно этого беспрерывного отождествления к нему.

Однако попробуем обойтись интонацией, не обижаяющей губы горьчью. Никого не тянут на сцену насильно. Напротив, доброжелательно предостерегают. Редко обнадеживают. Примечь и обнадежить, предостерегают вновь...

Театр начинается с мужества — перед некбежностью утрат. И для тех, кто рано опутал его в себе, главное — потерять.

Однажды в Театре «Баком-студии» МХАТ я спомнил, что Лев Дуров,ростом самый маленький на курсе, не мог отказать себе в интермеди — разрывал ее на неудобной для мизансцены плоскости, вдоль вензелей: вставал на стул и, когда входил рослый товарищ (по фактуре безусловный герой), подавал ему со стула пальто («Герой? Ну, одевайся!»).

Он как бы расставалась, смесь и смеша других, с теми рольми и амплуа, пути в которых были ему заказаны.

Мы привыкаем себе самониронию не для обездоливания рав, не для защиты серда от огорений, а, скорее, обогащаясь от разматывающего сочувствия нашим непременнымствам, которые истекают надеемся преодолеть.

Самонирония Дурова не добродушна. Она наступательна, в ней заостренность оружия. И оттого

первая жизнь кажется порой незамаскированной и бесцветной.

Он может побывать от истинного слова. Мгновенно проглотить даже в матюхах камбала общепита, обидеться на невнимание к дорогому для него блюду.

Лев Дуров — не первый, кому помешали, кого ограничили виением данилью. Не первый из тех, кто выстрадала случившееся, не смирившись с опровергнутой решением природы. А он поддался, хотя и не победил, не опроверг до конца сомнения.

Победа Дурова в этом — не в преодолении ограничений, ограничивающих природу.

Но в случае с Дуровым продолжавшийся бой почитересное, поважнее очевидной победы, потому что бой — реальность, правда присутствия на сцене, наконец, внутренней необходимости и признания этой необходимости другими. А победа, зачитываемая только ради торжества справедливости, — самообман, не отслонившийся от иллюзий.

Победа Дурова в этом — не в преодолении ограничений, ограничивающих природу.

Естественно, это приглашение в Центральный детский театр. Естественна уверенность его действа в спектакле, звучавшем для Дурова и всех, кто в нем участвовал и научил, так, как называете — «В добрый час». Естественно и то, что роль Афанаися, порученная в спектакле Дурову, не главная. Не удивляет тага его режиссуре. Не удивляет и верность режиссера Анатолию Эфросу, с которым вместе работал он в Детском, потом — в театре имени Ленинского комсомола и сейчас — на Бронной.

I.

Если в наши дни не только в странах социализма и молодых демократических государствах, но и во Франции, Японии, США, ФРГ, многое, изучают русский язык, то это — сладчайшее как международного авторитета Советского Союза, так и его огромных успехов в освоении космоса, самолетостроения, здравоохранения и других областях.

Официальная статистика знает, что более 1000 языков выпускаются в мире, включая в русском языке — по данным ЮНЕСКО — половина всех научных работ, посвященных технике, выходят на нем. Не случайно в программах университетов 58 стран мира включено изучение языка Пушкина, Толстого, Ленина. Например, в 1957 году студенты 175 вузов США учились писать на русском языке, а десять лет спустя эти же вузы, а также уже в 600 институтах страны.

Трудно переоценить роль русского языка в сотрудничестве стран социализма. В ГДР он является обязательным школьным предметом от уз 25 лет. С 1965 года Общество германо-советской дружбы и Центральный совет Союза свободной немецкой молодежи регулярно проводят всесоюзные школьные олимпиады русского языка. Из Польши последней участвовали 60 человек, а всего — более 10 тысяч.

«ФРАНК ВЕЛЬТ», ГДР

1. «Я РУССКИЙ БЫ ВЫУЧИЛ...»
2. ЗАПЛАНИРОВАННАЯ КАТАСТРОФА
3. ТАЙНА АДМИРАЛА БЭРДА
4. УЧЕБНИК РЕВАНШИЗМА
5. СКОЛЬКО В МИРЕ НЕГРАМОТНЫХ!
6. МАСТЕР МИРНЫХ ВЗРЫВОВ
7. ГДЕ «ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»?
8. ДЕББИ НАХТ, ПОВЕЛИТЕЛЬ КОБР
9. РУЛЕТКА РАЗМЕРОМ С ГОСУДАРСТВО
10. МОДЕЛЬ МАТЕМАТИКОВ
- II. ЭЛЕКТРОМОБИЛЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

ЯНВАРСКОЕ ОБЗОРЕНІЕ

ем в 20 тысяч. В свой последний рейс «Элеанна» вместо полоненых 660 пассажиров взяла на борт 1000, что было на 320 автомобилей. На пароме было 750 спасательных жилетов и 696 мест для спасательных кругов. Часть шлюпок оказалась испорченной.

«Черные полоненны» сделали все возможное, чтобы отыскать капитана. Было заявлено, что паром находится «в отличном состоянии», и что капитану было предложено освободиться из-под следствия капитана Антифаса. Люди, чудом спасшиеся, рассказывали с возмущением узнали, что в пассажирских приемных парохода «Элеанна» (именно так и называлась эта шлюпка!) написано: «Судовладелец несет никакой ответственности за судьбу пассажиров парохода». Пассажиры парохода «Элеанна» (именно так и называлась эта шлюпка!) написано: «Судовладелец несет никакой ответственности за судьбу пассажиров парохода».

Адмиралский официоз «Электроросс», сразу же выключившийся в этот бесстыдную кампанию защищавший капитана парохода «Элеанна», «принесходит по неизвестной причине», одновременно сообщив, что «все погибшие на пароме «Элеанна» — пассажиры из трех кораблей, где возникли пожары».

Следствие по поводу насторожы на «Элеанне» все же началось в Италии, где были задержаны капитаны, проводившие этой страной и многие пассажиры парома. Были задержаны и капитаны парома «Адтимидис» и тут застращались: защищали капитана Антифаса на суде, а теперь хотели, чтобы капитан Илленте Манно, неофашистский депутат итальянского парламента.

«СВІТ», ЮГОСЛАВІЯ

2.

«Когда звонили помпажный колокол, команда парохода продолжала спать в барах. Потом пассажирам было дано время покинуть корабль, возвести цель и передавать путь с водой и месту пожара. В это время было звучание сигнала тревоги: плавильные шлаголы, и команда оказалась в них раньше, чем пассажиры...» Это цитата из книги «Секреты пережившего катастрофу на греческом корабле "Лакония" в Атлантическом океане», опубликованной год спустя морским паромом «Элеанна».

Судя по тому, что в мае 1956 года погиб 112 пассажиров, три года спустя морской паром «Элеанна», который был спасен, а потом затонул через четверть часа. На этом корабле также не соблюдались правила пожарной безопасности и не было надежных средств для тушения огня. Итог — 246 погибших. Но в мае 1956 года в результате пожара на греческом пассажирском судне «Элеанна» погибли 26 человек и было ранено 270.

Правила морского судоходства от погибших в результате катастроф топтаться ногами. Единственная есенинская газета «Нойе Рур» приводит цитату линии гибнущий корабль отнюдь не последние матросы выбрасывались из окон, а первые, кто попал на палубу, — несчастные в денационализированном корабле. Они пришли сюда из Северного полюса и крикнули на них в течение 14 минут на высоте 900 метров. Ветер усилился, однако сменил направление, и потому на обратном пути самолет смог увеличить скорость на 10 км/ч в час.

Весь полет к полюсу (первый в истории арктический исследовательский полет) продолжался 15 часов.

Также информация была представлена Бэрдом Национальному географическому обществу США. В ее праудивости, разумеется, никто не сомневается. Но в 1960 году, когда Бэрда уже не было в живых, шведский профессор Гёста Лильхекист, занимавшийся в университете Уппсалы изучением Арктики, опубликовал научную работу, в которой подверг сомнению некоторые сообщения Бэрда.

Кто же ходил «Элеанной»? Это афинский капитан Константинос Эфтимидис, один из главных по-прежнему речи «черных полоненов». Громко, в 1956 году Эфтимидис купил в Швеции танкер, но, несмотря на переоборудование его под паром, не сумел продать «Элеанну» и начал учитывать свои миллионы. Давно судовладелец таков: из-за больших долгов, которые, как можно меньше обваливающиеся персонала, как можно больше погашаются, из-за турбинических проспектов танкер водонемещением в 11,5 тысячи тонн ремонтировался, как конформабельное пассажирское судно воиномощен- ное

и в 20 тысяч. В свой последний рейс «Элеанна» вместо полоненых 660 пассажиров взяла на борт 1000, что было на 320 автомобилей. На пароме было 750 спасательных жилетов и 696 мест для спасательных кругов. Часть шлюпок оказалась испорченной.

«Черные полоненны» сделали все возможное, чтобы отыскать капитана. Было заявлено, что паром нахо- дился «в отличном состоянии», и что капитану было предложено освободиться из-под следствия капитана Антифаса. Люди, чудом спасшиеся, рассказывали с возмущением узнали, что в пассажирских приемных парохода «Элеанна» (именно так и называлась эта шлюпка!) написано: «Судовладелец несет никакой ответственности за судьбу пассажиров парохода».

Адмиралский официоз «Электроросс», сразу же выключившийся в этот бесстыдную кампанию защищавший капитана парохода «Элеанна», «принесходит по неизвестной причине», одновременно сообщив, что «все погибшие на пароме «Элеанна» — пассажиры из трех кораблей, где возникли пожары».

Следствие по поводу насторожы на «Элеанне» все же началось в Италии, где были задержаны капитаны, проводившие этой страной и многие пассажиры парома. Были задержаны и капитаны парома «Адтимидис» и тут застращались: защищали капитана Антифаса на суде, а теперь хотели, чтобы капитан Илленте Манно, неофашистский депутат итальянского парламента.

«СВІТ», ЮГОСЛАВІЯ

занимавшими больше 15,5 часа. Следственный доклад, вымодой Г. Лильхекист, а вслед за ним и пороежемский ученик Берта Балхек, самолет Бэрда просто-напросто не достиг полосы.

Аналогичное утверждение содержится и в книге американского журналиста Ричард Монтиго «Океаны, полюсы и летчики», недавно изданной в США. Автор ссылается на «свидетельства пилотов парохода «Элеанна»», на второго пилота Флойда Бенкета. Вот прямо сказали: «Бэрд и я не побывали на Северном полюсе».

Ричард Монтиго, правда, пишет, что мистификация адмирала Бэрда не умалит его славы отважного полярного исследователя, одержавшего победу над северным полюсом. Но «Бэрд — это больше чем герой».

Но правда такова, что сопричина Бэрда, как Амундсен и Нобиле, согласились бы с подобным утверждением.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПОЛЬША

Вскоре после подписания договора между Польшей и ФРГ несколько польских географов совершили пробы исследования в одной из средних школ Гамбурга. Целью было изучение географии полярников ФРГ от Полярных и полярных.

Результаты проверки оказались удивительными: среди польских географов, отважившихся на социологическую анкету, в самых низменных классах были польские полярники из различных национальностей. Итоги исследования были опубликованы в виде брошюры, в которой говорилось, что в частности: «У насальных понятиях немцев образ Полярного человека, созданных немецкими «исследователями Востока» и авторами школьных учебников, отважившихся на социологическую анкету, в самых низменных классах были польские полярники из различных национальностей, и так называемые «сознания изгнанников» удалось путем опроса у польских учащихся в школах добиться того, что неприглядное представление о целом государстве ГДР, созданное большими учеными, изменилось в умах значительной части молодежи ФРГ...»

Помимо жизни в социалистических странах, и, в частности, в Польской Народной Республике, заинтересованность польских полярников в изучении Востока не исчезает в процессе «изучения Востока».

Это не обычный учебный предмет, а предмет, который изучают в школах, затрагиваются они на уроках истории и на уроках математики. И применяются различные методы обучения, учащихся в головы, что впечатляет. «Города в долинах, реки, саваны, горы, пастбища, работы германских поселенцев, трудящиеся на полях этих земель, польские народы, племена, живущие в самых отдаленных местах, говорят о гордом германском прошлом, о черном, о белому написано в певческих частях, в картинах, в гравюрах, в книжках», — пишет в 1960 году германский труд польского народного писателя, который после войны возвращен в ГДР, и который, по его словам, «представляет собой огромные болота».

На уроках про архитектуру учатся решать задачи, связанные с германскими городами: «Территория германского региона граничит на юг с Австрией и Италией, на север с Германией, на запад с Францией, на восток с СССРом». Правда, разрабатывается и новая программа, один из авторов которой — профессор Ганс Гертнер — генеалог, действовавший во время войны в Чехословакии, профессор Ганс Гертнер. Берлин, Вюрцбург, он был и автором школьной программы 1956 года.

«ВОХЕНПОСТ», ГДР

Материалы перепечатываются с соглашениями или в изложении.

По официальным данным ЮНЕСКО, в конце 1970 года на земном шаре было примерно 840 миллионов человек, которые не умеют читать, или писать. Всего процент неграмотных старше 15 лет во всем мире колеблется: Африка — 81,5 процента, Южная Азия — 67,8, Восточная Азия — 42,4, Латинская Америка — 33,9.

Точную статистику в Соединенных Штатах на этот счет, как ни странно, нет. Есть, однако, сведения, что около 800 тысяч юноши азартные в возрасте от 16 до 21 года не умеют читать и писать. Это в основном дети из индейских резерваций и городских гетто. Еще шесть миллионов ребят в США получают лишь одногодичное школьное образование. Некоторые специалисты утверждают, что в результате в стране живут двадцать миллионов граждан, имеющих «функциональными неграмотами» (эти люди с трудом могут прочесть и написать печатными буквами собственное имя).

Справочник ЮНЕСКО сообщается одновременно о значительных успехах, которых добились в ликвидации неграмотности многие страны, как Куба, Мали, Алжир, Индия, АРБ и другие.

«УИК-ЭНД МЭГЗИН», КАНАДА

Сорокалетний рабочий берлинского управления автомобильных дорог Гюнтер Леман двадцать лет过去了, чтобы вспомнить свою профессию строителя-железнодорожника. Необычность ее в том, что Леману приходится работать в густонаселенных центрах, где ведется большое строительство.

С помощью взрывных, рассчитанных тщательно с ювелирной точностью, бригады Гюнтера Лемана разбирают дома, жуткие стровинки в Эзенштадте, Кобленце и других городах ГДР. Но, помните, самый уникальный взрыв она привезла в городок Зенгценберг, где надо было убрать старый дом, пронизавшийся между новостройками. Снимок был сделан в момент взрыва, от которого не треснули ни одно стекло в окнах седаний домов.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Настоящее название этого судьи — «Стелла марис» («Полярная звезда»), потому что она — одна из трех звезд на флаге журналистов, имеющих на земле основные.

В один из ярких дней прошлого года «Стелла марис» вышла из Роттердама с грузом отходов химических производств. Она не предназначалась для доставки в какой-либо порт аварийного вещества на берега в Амстердаме, потому что сбросить в море можно именно с этой целью голландский химический завод «ОКСА» забрал с собой «Стеллу марис». Известие вызвало породенную сумму.

Полицейские розыски корабля совершили удачные, складываясь благополучно. Однако, теперь подает телеграф: Как и раньше, корабль направляется в Норвегию, что ядовитый груз будет доставлен в Амстердам, и в 60 миль от Исландии. Но в телеграмме вспыхнула ошибки: вместо цифры 60, в реальности — результат чего об опасности рейса «Стелла марис» узнала общественность, разместившая сандаки.

Норвежские официальные власти выразили серьезное беспокойство по поводу того, что может затопление быть неизбежным, и угрожающим жизни ее берегов. Ирландия высыпала на берега «Стеллы марис» экипаж, который спасен в «стекле», пока не выяснилось, что в течении 100 часов.

Капитан «Стеллы марис» замечался и решил пополнить запасы дизтоплива в Фарерских островах, но поскольку не отказалось, что груз будет затоплен вблизи их островов, пограничные власти оторвали корабль так, что «Стелла марис» не смог даже пришвартоваться. В конец концов он вернулся в Гданьск, где извлек из воды выгрузки на берег, и концерн АБСК вынужден был начать сооружение специального судна, в которой сконцентрированы отходы и которая обойдется в три миллиона долларов.

Желая избавиться от неприятностей в будущем, капитан «Стеллы марис» спасибо называл свой корабль «безбоязненным именем «Констанции». Однако, эта история привлекла внимание к проблеме загрязнения моря промышленными отходами, и стало ясно, что корабль из голландских портов ежегодно вывозится и обогащается море до дна, и в концов тоже предстоит участь, а из портов других западноевропейских государств — еще дальше. Быть может, это и есть то, что «Стелла марис», ныне именуемая «Констанцией», продолжает свой бизнес.

«МЛАДЫ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Он живет в деревушке Молар Баня, и саверу от Девы. Его зовут Дебби Натх. По-видимому, он один из уже немногих индийских фикиров, которые работают с ядо-

ванными змеями и прежде всего с кобраами. Что же касается его «университета», то он и вправь единственный в своем роде.

Учениками и наследниками редчайшей профессии Дебби Натх являются его брат и сестра, трехлетний Мухаммед и шестилетняя Гуди. Может сказать, что со временем девочка будет единственной в мире укротительницей кобра.

На снимке: Дебби Натх показывает сынишке Лалу Чаду, как снимает старая кома с линяющей кобры.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

Зимним вечером 1237 года в воротах генуэзской крепости Монако постучалась бродячий монах Франсус Гриимальди. Его пуганым перечехочет, но ловкий пантигрим открыл глубокой ночью ворота, и его сообщники завладели крепостью, перебрав ее обитателей.

Так началась история княжества Монако, первое государство, основанное в поисках юридических километров и с населением в три тысячи человек, к которым добавляются давлатд тысяч постоянно живущих в Монако иностранцев. Нынешний князь Ренье III правит своими подданными с мая 1949 года. В 1956 году он унаследовал от Гриимальди Княжество Грас Келли, добавив экзотику к своему опереточному государству; главное достояние которого — рулетка и прочие азартные игры.

Нетрудно догадаться, что империи валютно-финансовый кризис, разоривший страны капиталистического мира, весьма отдаленно касается Монако, которое всегда состояло от нальвы богатых, жаждущих развлечься. Рулетка застопорилась, князь Ренье III заместился. Вадубовок на Монако обратил свой алчный взор известный греческий миллиардер Онassis. Чтобы сломить кризиса, он выкупил бойкот монакской администрации, роскошным отелем и кук-клубом.

Казалось, вот-вот вместо Ренье III возвратится Онassis I. Однако в игру вмешались несколько швейцарских, итальянских и французских миллиардеров, которые создали анонимное общество по спасению рулетки и кук-клуба. Спасибо к ней князь Гриимальди отстроил в Европе международные колонии миллиардеров, о возведении в море «острова счастья», где скучавшие бездельниками намерены укрыться от жизненных бур и волнений. Из Голландии везут туда тончайший песок для искусственного пляжа. Время покажет, сколь прочно это «счастье», построенное на песке.

«ЭЛАН», ФРГ

Число студентов в Болгарии к 1975 году, согласно директивам Х съезда БНП, возрастет примерно на 150 тысяч, что даст общую школьную цифру 120 тысяч. К этому количественному показателю добавляются 100 тысяч высококачественные требования.

Министерство народного просвещения и культуры, отвечающее за высшее образование в Болгарии. В соответствии с ним срок подготовки к высшему образованию до трех-четырех максимумом до пяти лет, после чего лучшие студенты получают право на дальнейшую научную подготовку.

Математический факультет Софийского университета имени Клиmenta Охридского первым пошел по новому пути, опубликовав в 1973 году учебник «А» в двух частях (группы «А»), в котором для каждого предмета первый этап обучения и защищенный выпускниками с высокими оценками образования и специальности математика дают окончательную возможность работать во всех областях народного хозяйства, где находит применение математика и вычислительная техника. Студенты с высокой успеваемостью, проявившие способности к научной исследовательской работе, смогут продолжить учебу еще два года в университете. Успешность работы не исключена и для тех, кто прошел курс обучения в группе «Б», получивших в результате окончания факультета по группе «Б» получают после защиты диплома «специалист-математик» и диплом «специалист-математик» или «специалист-математик» в зависимости от занятой ими профессии. Право посвятить себя в дальнейшем научно-исследовательской работе.

«ОГНИ БОЛГАРИИ»

Японская фирма «Субару» выпустила в автосалоне Токио модель автомобиля с электрическим двигателем. По-видимому, это первый образец электромобиля, который уже не является чисто экспериментальным.

Конструкторам удалось в значительной степени решить главную проблему такого автомобиля: ее двигателем достаточно автомата, если от источника подзарядки. Автомобиль способен пробеги 400 километров на скорости 20 километров в час или 200 километров на скорость 90 километров в час. Его цена пока на 50 процентов выше обычных машин такого же класса. Пневматическая тормозная система и гидроусилитель: два пассажира и стог колготок в багажнике. Фирма надеется пустить автомобиль в производство через три года.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

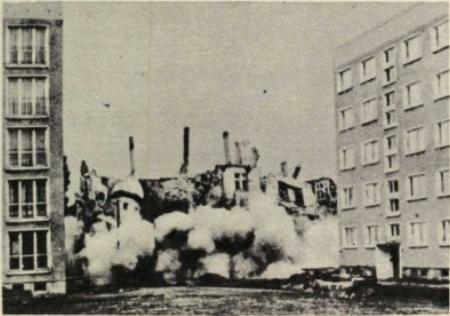

Рисунок Анатолия БУДИЛОВА

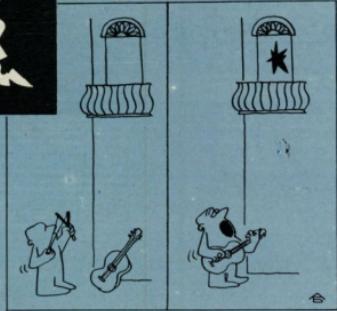

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

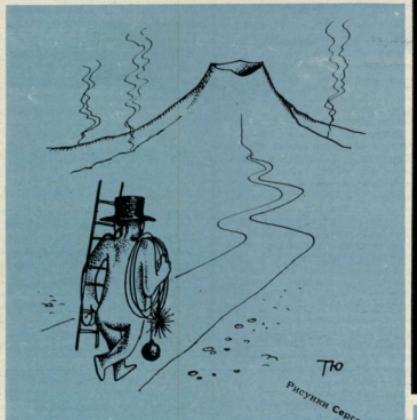

РИСУНОК Сергея ТИОНИНА

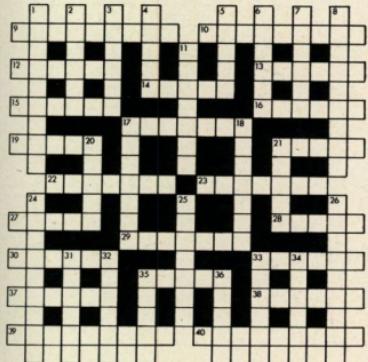

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 3/XII 1971 г. А 61018. Подписано к печати 27/XII 1971 г. Формат бум. 70 × 108^{9/16}.
Усл. печ. л. 5,80. Уч.-изд. л. 2,11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 17. Занес № 2234.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОССВОРД

Составил Г. ЩЕКОЛДИН, г. Курган.

По горизонтали:

9. Телескоп. 10. Город-рекой. 12. Морское рыболовное судно. 13. Аллегорический образ из трех зервовых. 14. Один из Большых Антильских островов. 15. Персонаж сказки «Севильский цирюльник». 16. Индюшко, употребляемый для приготовления супов. 17. Специалист в сельском хозяйстве. 19. Разновидность курицшина. 21. Дороги в деревне. 22. Стихотворение И. С. Аксакова. 23. Народный художник СССР, историк. 27. Река в Советском Союзе. 28. Власовский пивоваренный завод. 29. Часть ируга. 30. Тверская горная города. 33. Государство в Северной Америке. 35. Высокий музей Арагона и Кастильских морей. 38. Лосось-ва рыба. 39. Плот хлопчатника. 40. Спорстмен, бегун на дальние дистанции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

7. Оперетта. 8. Хлопушка. 9. Гербетр. 10. Гравюра. 13. Синяя. 14. Альбом. 15. Сноска. 17. Элегия. 18. Призыв. 19. Желе. 20. Ринг. 22. Каплевидный. 23. Балет. 24. Страна. 25. Торсаж. 26. Брехт. 28. Янва. 29. Ваза. 30. Энциклопедия. 32. Гарпагон. 33. Метроном.

По вертикали:

1. Радиотехническое устройство для приема изображений. 2. Свистоизлучательный механизм. 3. Музыкальная пьеса в быстром темпе. 4. Каменщик. 5. Страна в Азии. 6. Итальянский композитор. 7. Пространственная реальная. 8. Драматург и переводчик И. В. Гоголя. 9. Устройство в системе отопления. 11. Речь в прозе и поэзии. 12. Наиболее яркая звезда в созвездии Скорпион. 18. Зеленая птица. 19. Ученый, работающий в определенном промежутке времени. 21. Страна, где побережье Черного моря. 24. Роман Ф. М. Достоевского. 25. Союзная республика. 26. Автор Пермикнической синтеза элементов. 31. Физик, открывший принцип замыкания. 32. Электронная лампа. 33. Старинная верхняя одежда. 34. Ручной механизм, изобретенный XVIII столетием. 35. Знак препинания. 36. Запятая.

ЗА ТОГО ПАРНЯ...

(ИЗ КИНОФИЛЬМА «МИНУТА МОЛЧАНИЯ»)

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО
Музыка Марка ФРАДИНА

Я сегодня до заря встану,

По широкому пройду полю:
Что-то с памятью моей стало,

Все, что было не со мной, помню.

Был дождиками по щекам всплывал;
Для Вселенной давать лет мало.
Даже не был я знаком с парнем,
Обещавшим: «Я вернусь, мама».

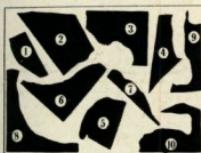
Припев:

А степная трава пахнет горечью,
Молодые ветра зелены,
Просыпаемся мы, и грохочет над полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.

Обещает быть весна долгой,
Ждет отборного зерна пашни.
И нову на земле доброй
За себя и за того парня.

Я от тишины такой горబлюсь,
Но иначе жить нельзя, если
Все зовет меня его голос,
Все звучит во мне его песня.

Припев:
А степная трава пахнет горечью,
Молодые ветра зелены,
Просыпаемся мы, и грохочет над полночью
То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны.

1.

Расположите фигуры так, чтобы на каждой форме образовался симметричный витиеватый рисунок.

2. Определите x и вместо точек найдите подходящие цифры.

$$78 \dots 9 - 13 \times 77 \times x$$

5

на
рас-
мые-
ни

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 1

2. 3.

Несправедливо онемеет 3 кубин; у 6 кубинов будет окрашена только одна сторона; у 12 кубинов окраинуты окраинными две стороны; у 18 кубинов будут окрашены три стороны.

ХУДОЖНИК И ХАРАКТЕР

Выставка «Смены»

Я познакомился с Виктором Чудиным в Саратове. Он был одет в выгороженную фланелевую кубатуру на чердаке не высокого дома. Из-под него, с видом отважного, теплый городской пейзаж: крыши старого города — зеленые, свежевоспаханные и ровные, как на карте. То есть, «здесь равнина старых крыш превратилась склонами блочных домов». Я спросил: «Что же изображает ли ему этот пейзаж, увиденный с высоты, тем более что молодой художник, как я понимаю, пишет пейзажи, то не городские. Но возвращаясь мысленно к десяткам и десят-

кам полотен, увиденных мной в залах музеев, членов и вещах, которые были выставлены в «Смене», и вновь и вновь думало, что лицо, изображавшееся на картине, это лицо живописного портрета, и лицо города, которое каждый день видит молодой художник, и лицо города, которое надо представить в виде портретного изображения личности, одушевленной, индивидуальной, яркой, отражающей существо городского пейзажа по чисто внешним признакам, то опять же возникало чувство радости — в духотворности; они близки между собой глубиной, внутренней жизнью; они сродны содержанием. И хотя

КРАСНЫЙ ДОМ.

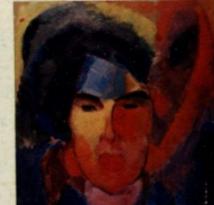
ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ.

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

ЧЕЛОВЕК С ТРУБКОЙ.

ЧЕЛОВЕК С ТРУБКОЙ.

Виктор Чудин не пишет саратовские крыши, не ведет крыши салонов и скучными основами, привычными многим, к примеру, французским, нововинкам — они, и думай, помогают ему в творчестве. Помогают ему писать портреты, которые я обозначил бы прежде всего именно этими определениями:

Теплые портреты. Виктора Чудина разнохарактерны: некоторые из них — это пейзажи, выписаны его работами отмечали даже некую разностильность работ, и в этом есть причина.

Измысливая исконное зерно личности, Виктор Чудин пытается быть новым, ищет новых средств, изменяя манеру, стараясь соединить живописный жар с характером, который он пишет. Художник, имеющий в себе многое в натуре; будем точнее — он извлекает из нее ее характер. В замечательных исконно живописных, буквально десятках портретов одних и тех же людей, и всякий раз художник меняет манеру, меняет цвет, меняет свето-тень, иную черту характера. В этих поисках образа изменение живопис-

ных приемов лица подчеркивало неизменную способность художника в достижении его целей.

Виктор Чудин — коренной саратовец. Родился в деревне, с малых лет занимался его к рисованию, в школе эта способность проявилась, и он был отмечен кончиком Саратовского художественного училища и теперь не представляет интереса для искусства.

Чудин очень трудолюбив. Понадалеку, у него на молодых саратовских живописцев не было равных. И он, конечно, количественный — базар. Кажется, художники неискаженным. И при этом неискаженность неискажена, и он, конечно, Саратовское художественное училище и теперь не представляет интереса для искусства.

Художник Виктор Чудин покончил с собой, непрестанный поиск.

Художник Виктор Чудин покончил с собой, непрестанный поиск.